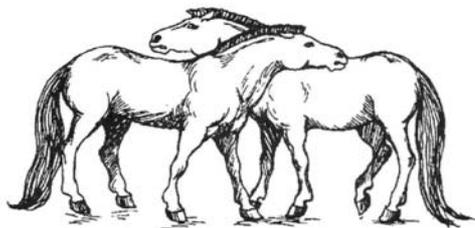
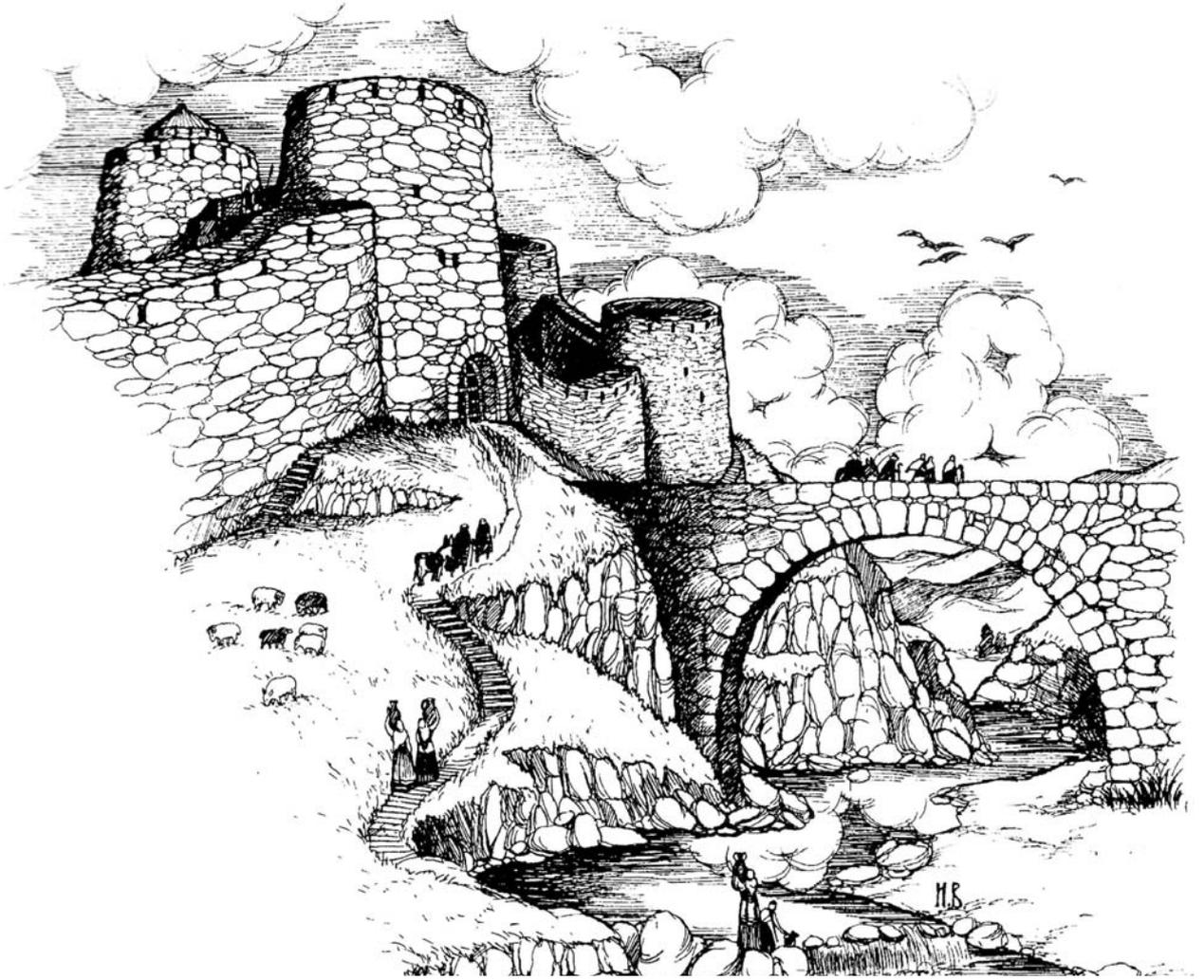

ЛЕГЕНДЫ АРМЕНИИ

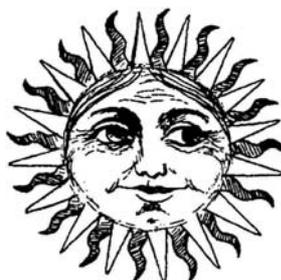
в пересказе
ЕЛЕНЫ ЧУДИНОВОЙ и РОБЕРТА ОВАНЕСЯНА
рисунки ИРИНЫ ВОЛКОВОЙ

МОСКВА КРОН-ПРЕСС
1996

84P1

Л38

*Текст составлен
по произведениям классиков армянской литературы,
народного эпоса и фольклора*

ЛЕГЕНДЫ АРМЕНИИ

Литературно-художественное издание

Зав. редакцией Е. Узлова. Корректоры Л. Айдарбекоба, А. Костылёва.
Технический редактор Т. Кулагина. Компьютерная вёрстка М. Терентьевой

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС»)

Подписано в печать 08.04.96. Гарнитура Лазурский.

Офсетная печать. Тираж 20 000 экз.

Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС». 103030, Москва, Новослободская, 18, а/я 54.
По вопросам реализации обращаться по адресу: Москва, Огородный проезд, д. 6.
Телефоны: 218-30-03, 219-82-14.

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу: Москва, Новослободская, 18.
Телефон: 972-14-23

Λ $\frac{4803010104 - 325}{52P(03) - 96}$

ISBN 5-232-00325-9

© Художник, И. Волкова, 1996

© КРОН-ПРЕСС, 1996

*И ветер поёт, помнит ветер в горах
Героев и царства, что пали во прах.
Спят горы и помнят дни бедствий былых,
Тяжёлую поступь слонов боевых.*

ысоко в горах, раскинувшись между озёрами Ван и Севан, лежала в древности большая страна Наури¹. Богата она была своими садами и стадами, пасущимися на горных склонах. Стояли среди садов квадратные каменные дома-глатуны под крышами-куполами, тёмные, с единственным оконцем наверху — для света и для дыма от очага, выложенного на земляном полу. Мужчины пасли овец, пахали на быках, обрабатывая свои маленькие поля большим плугом-гутаном, плавилы металлы и ковали оружие и украшения. Носили они архалук, шерстяную чуху, шаровары и меховую шапку. Женщины одеты были наряднее — поверх шаровар носили длинную вышитую рубаху и архалук, а на голове — шапочки-башенки из ярких разноцветных тканей. Женщины сидели дома, пряли шерсть и ткали ковры, мололи зерно между двумя камнями зернотёрки, дробили крупы в каменных ступках, сушили виноград.

Чтобы тенистые сады не засыхали, в совсем незапамятные времена, ещё когда жители Наури поклонялись богу Халди, люди проложили дорогу воде родников. Если на пути воды вставала скала, люди долбили камень, и вода проходила через него. Если на пути воды лежал песок, люди выкладывали каменное русло. И сады цвели и плодоносили.

Веселя людей, бродили по стране актёры в масках и ловкие канатоходцы: от царского дворца до самой маленькой деревни находили они угощение и кров.

Столицею Наури был город Арташат, где стоял царский дворец.

Границами страны Наури были неприступные горы. А там, где горными дорогами ходили торговые караваны, по воле царей Наури стояли дворцы-крепости, чтобы не впустить в страну вражеские войска — ни гордых римлян, что владели тогда половиной мира, ни других коварных жестоких захватчиков. В каждом дворце-крепости сидел пограничный князь — бдешх. И не было такого бдешха, который бы знал наверное, долго ли ему доведётся княжить. Одно было известно — до ближайшей войны. Клялся бдешх заслонить дорогу вражьей армии — не пускать её до тех пор, покуда жив он сам и хоть один его воин. Не перебив весь гарнизон бдешха, враги не могли спуститься в Наури. А тем временем царь и внутренние князья — мелики — собирали войска для отпора. В войска эти входили вольные всадники — азоты.

Невелик был такой дворец-крепость: несколько улиц, жилища для бдешха и воинов, амбары хлеба, погреба вина, мастерские да маленькие домики из двух-трёх комнат. Самая большая и высокая комната была без одной стены — и крыта черепичной кровлей только наполовину. Вторую половину занимал дворик с очагом. Только в этом дворике было место поиграть маленьким детям. Но склоны гор, поднимавшиеся за стенами крепости, видны были из крошечных двориков, обещая детям далёкие

¹ Наури — древнее название Армении. Границы её не совпадали с современными границами. Озеро Ван находится сейчас в Турции.

прогулки по цветущим лугам до натающих белых снегов — едва лишь станут они немного старше.

Не мычали коровы и не блеяли овцы за неприступными стенами: жители крепости не держали своего скота и не обрабатывали своей земли. И зерно и молоко приносили им, своим защитникам, мирные жители.

Вот такой и была крепость, что стояла на пути завоевателей.

Некогда в этой крепости княжил бдешх по прозвищу Бык. Имени его не запомнилось, а Быком прозвали его за недюжинную силу: мог он одним ударом кулака между рогами забить молодого бычка.

Юную жену бдешха прозвали Джангюлюм — как весенний цветок гор. Стройная и гибкая, княгиня не уступала красотой этому цветку. Чёрные косы её струились как змеи.

А в самом бедном и маленьком домике из всех, что были в крепости, жила добрая вдова-гадалка по имени Мариам. Муж и сыновья её погибли. Ей же, старой, деться было некуда, и она осталась при гарнизоне. Кормилась она врачеванием: собирала травы и корни, варила отвары и делала мази. От всего помогали её зелья — надо ли залечить рану, выгнать лихорадку или подарить больному целительный сон. Все дети в крепости любили старуху. И страшно и любопытно было им смотреть, как, бывало, варит она зелье в своём дворике, поставив на огонь большой глиняный кувшин. Кинет одну щепотку сухой травы — горько запахнет на весь двор. Помешает деревянной ложкой, кинет другую щепотку — сладкий запах поплывёт в воздухе. А сама бормочет-приговаривает под нос наговор:

Трава, что собрана ночью,
Трава, что собрана днём,
Тебя, хворь, прочь выгнать хочет!
Беги, хворь, гори огнём!

Дети сидят тихо, боятся шелхнуться. Известное дело, какое лечение без наговорного колдовства! Бывают и такие лекарства, что старуха Мариам гонит детей прочь, когда их варит — не всякая трава любит чужой глаз, не всякий наговор — постороннее ухо! Не гонит — дети и рады. А иной раз найдётся у вдовы время поговорить с детьми. Чего она только не знает! То надумает загадки загадывать. Сначала спросит у мальчиков:

— А ну-ка, храбрецы, кто первый скажет, что это такое? Золотая сабля упала, а звона никто не услышал.

Задумаются мальчики, а потом закричат наперебой:

— Солнечный луч, тётушка!

— Солнечный луч!

Потом у девочек спросит:

— А ну-ка, красавицы, кто первая скажет, что это такое? Сидит лисица, длинный хвост на шею наматывает.

Задумаются девочки, а потом защебечут:

— Прялка, тётушка!

— Прялка!

Найдутся и для всех загадки. Такая, например:

— Пока был жив, траву ел, а как умер — стал вино пить.

— Бурдюк, тётушка, кожаный бурдюк!

Или такая:

— Кто сосёт своих детёнышей?

— Озеро, тётушка Мариам!

— Озеро Ван! В него впадают и речки и родники!

А ещё такая:

— Без рук, без ног, а на небо лезет.

— Дым, тётушка! Дым от очага!

И верно. Тоненькой струйкой поднимается дымок из дворика в синее яркое небо. А

небо близко к горам, почти легло на вершины. Дети жуют сладкий изюм, которым их угостила старуха.

— А когда ты нам погадаешь, тётушка?

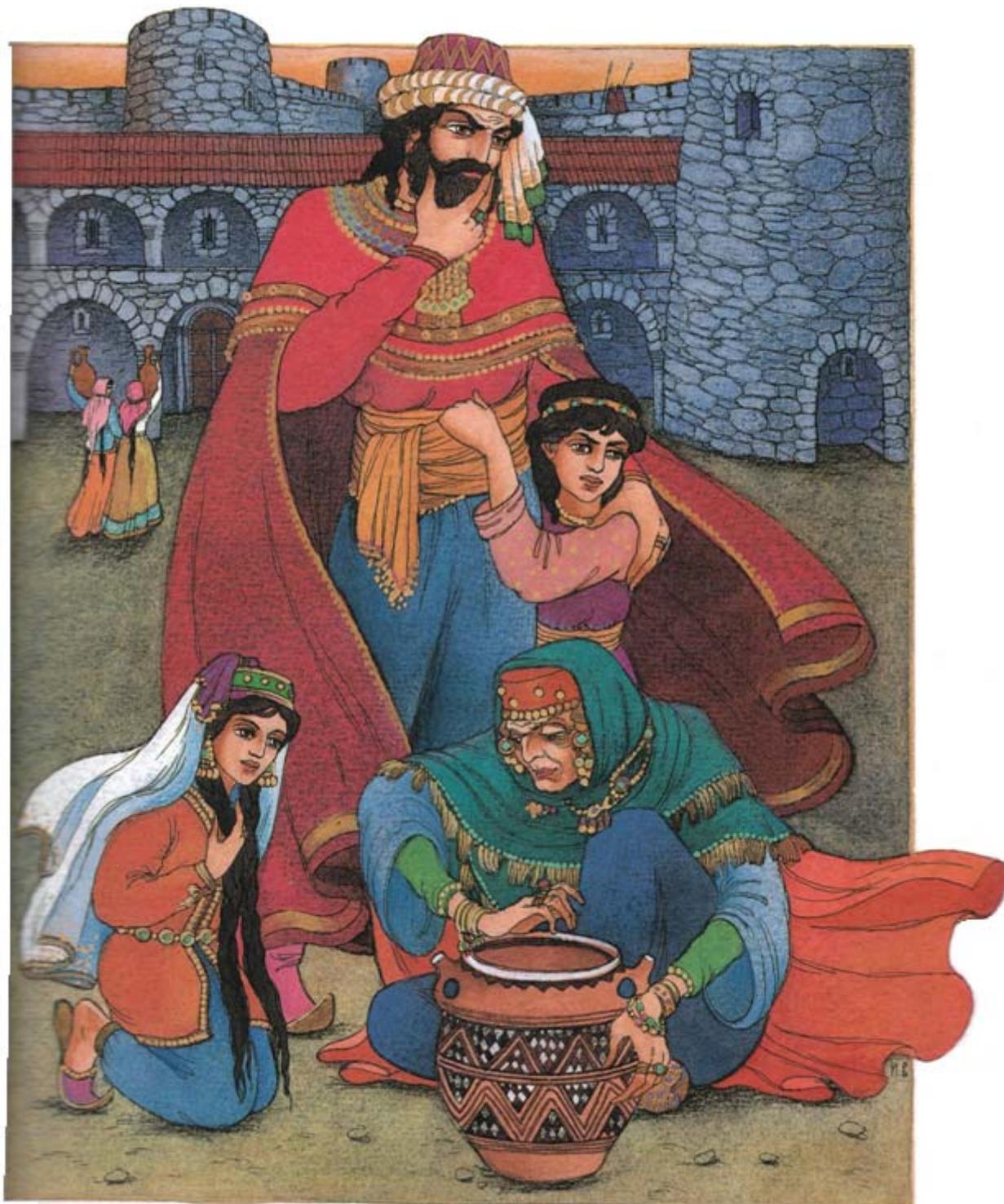
— Когда ты погадаешь?

— Вот ведь пристали, озорные! Когда придут в крепость канатоходцы, тогда и погадаю, не раньше! А сейчас бегите отсюда, некогда мне!

Был среди детей племянник бдешха, мальчик по имени Тигран. Рос он сиротой, и князь так любил племянника, что ни в чём не мог ему отказать.

И однажды по весне пришли в крепость канатоходцы. Все вышли на маленькую мощённую розовым камнем площадь — и воины, и мастера, и женщины, и дети. Кто не захочет посмотреть, что выделывают храбрецы на туго натянутых наверху верёвках? Вот и музыка зазвучала, несут уже вино и угощение. После угощения затеяли состязание в силе. Борются канатоходцы с воинами, но помнят обычай: одержит верх воин — прижмёт противника лопатками к земле, пришлый победил — на землю не вали, перед своими не позорь!

Развеселилась даже гордая красавица княгиня. А сам бдеш, как юноша, раззадорился на драку. Пятерых канатоходцев свалил! Больше всех рады дети — помнят, что после праздника им ещё и гадание обещано. А маленький Тигран тянет

дядю за рукав:

— Дядюшка, пойдём с нами гадать!

Нахмурился князь:

— Что ты такое выдумал, мальчик? Бегите одни к гадалке да радуйтесь тому, что малы. Взрослые боятся в будущее заглядывать.

— Дядя, но ты же самый большой храбрец!

— Э, дружок, будущего страшиться и храбрецам не стыдно!

Но дети обступили князя, не выбраться. Взбрело им в голову — зовут с собой к гадалке и слышать ничего не хотят. Князь махнул рукой:

— Ладно, пошли!

А вдова уже ждала их в своём дворике перед большим кувшином с чистой водой.

— Здравствуй, тётушка Мариам, — сказал князь. — Погадай нам в честь праздника!

Вдова низко поклонилась князю, но лицо её было невесело.

— Дай мне свой талисман, господин! — сказала она. Бдешх протянул старухе свой талисман — зуб волка, что всегда носил при себе.

Старуха взяла талисман и опустила его в воду. Когда рябь успокоилась, она стала в неё смотреть. И чем дольше смотрела вдова в воду, тем сумрачней становилось её тёмное старое лицо.

— Что ж ты видишь, тётушка? — тихо спросил князь.

— Худое вижу, господин.

— Ну так уж скажи. Неужто война скоро?

— Близка ли война, мне не видно. Только твою гибель я вижу. Погубит тебя змея, заползшая на грудь, обвившаяся вокруг твоего тела.

Омрачилось лицо князя. И дети замолкли, поняв, что невесело закончилась их забава. А гадалка вернула бдешху талисман и выплеснула воду: не хотелось ей больше гадать.

Так все и разошлись.

А гадалка осталась одна и, печально посмотрев вслед князю, прошептала такие слова:

— Укрылась змея под цветком красоты.

Погибель найдёшь от жены своей ты.

Молодую княгиню назвала гадалка змеёй на груди бдешха! Её черное дело увидела она в воде. Но побоялась старуха сказать больше, чем сказала. Много лет прожила она на свете и знала, что любящее сердце — слепо и глухо. Не поверил бы ей бдешх.

инул год, другой, подрос мальчик Тигран, тесно ему стало на узеньких улочках крепости, не так интересно в маленьком дворике гадалки. Сколько ни броди по горам — никогда не изведаете их до конца. Пробиваются цветы из-под камней, высоко стоят травы. Гонят пастухи стадо к свежим пастбищам: словно бурая река льётся по склону. Хорошо иной раз присесть к пастушескому костру, послушать разговоры да попробовать пропахшей дымом лепёшки. Прямо перед носом прыгнет с тропинки пригревшаяся на солнышке ящерица, испуганная больше, чем ты. Юркнет в свою норку

полёвка. Низко пролетит беркут. Иной раз увидишь муфлона¹ или горного козла вдали.

Но не забыты и уроки старухи гадалки. Не только вверх и вдаль смотрят глаза — многое можно заметить и под ногами. Тут притаился в земле корень под названием торон, из которого делают красную краску морену. А это место лучше обойти стороной: тут можно откопать корень **манракор**. Он лечит от многих хворей, но корень этот страшный. По форме он похож на человечка. Чтоб вытащить его из земли, нужна собака. Вокруг манракора окапывают землю, а потом привязывают к нему верёвку. Верёвкой обвязывают собаку, а собака тянет корень из земли. При этом корень стонет и плачет человеческим голосом. Если же человек вытащит этот корень своими руками, то непременно умрёт в три дня.

В доме бдешха Быка росла девочка по имени Манушак, круглая сирота, дочка служанки. Часто дети уходили вдвоём из крепости. Манушак хотела стать знахаркой и всегда приносила старой вдове большие охапки трав.

Однажды дети заплутались, доверившись незнакомой тропинке, и оказались далеко от дома, на большой высоте.

— Посмотри, Тигран! — воскликнула Манушак. — Как низко летят птицы Керунк!²

— Не они низко, а мы высоко! — ответил мальчик.

Прямо над детьми пролетала белая стая журавлей. Первым летел вожак — самая могучая и величественная птица. Плавно и неторопливо вздымались его крылья. Казалось, что птицы не летят, а плывут. Вдруг что-то случилось. Журавль, летевший последним, затрепетал и начал отставать. Крылья его поникли. Еще немного, и он начал бы падать. Тут две большие птицы отделились от стаи и подлетели к нему с двух сторон. Каждый из журавлей подставил одно своё сильное крыло под крыло ослабевшей птицы. Сделав это, они устремились догонять стаю. Так и летели три птицы на двух крылах — словно одна. И, отдаляясь вместе со стаей, три птицы постепенно начинали казаться одной.

Затаив дыхание, дети смотрели вслед журавлям.

— А человек мнит себя лучшей из Божьих тварей, — сказал кто-то рядом с детьми.

Дети в испуге обернулись. Около усыпанного алыми колючими ягодами деревца масира³ стоял высокий худой старик. Его седые нечёсанные волосы, сливаясь с косматой бородой, походили на гриву льва. Ноги его были босы, а тело покрывала только грубая одежда из овечьих шкур, перепопоясанная верёвкой. Но глаза его были ясными и добрыми. Старик опирался на простой деревянный посох.

— Дети, что вы делаете так далеко от жилья? — спросил он.

— Мы заплутались и ушли дальше, чем хотели, святой человек, — почтительно ответил Тигран: мальчик понял, что перед ними — отшельник-анакорет, уединившийся от людей.

— Откуда вы и как вас звать? — спросил отшельник.

— Мы из крепости. Моё имя Тигран, я племянник бдешха. А эту девочку зовут Манушак, она живёт в нашем доме и мне как сестра, — ответил мальчик.

— Вы устали и голодны, — сказал отшельник. — Ступайте за мною.

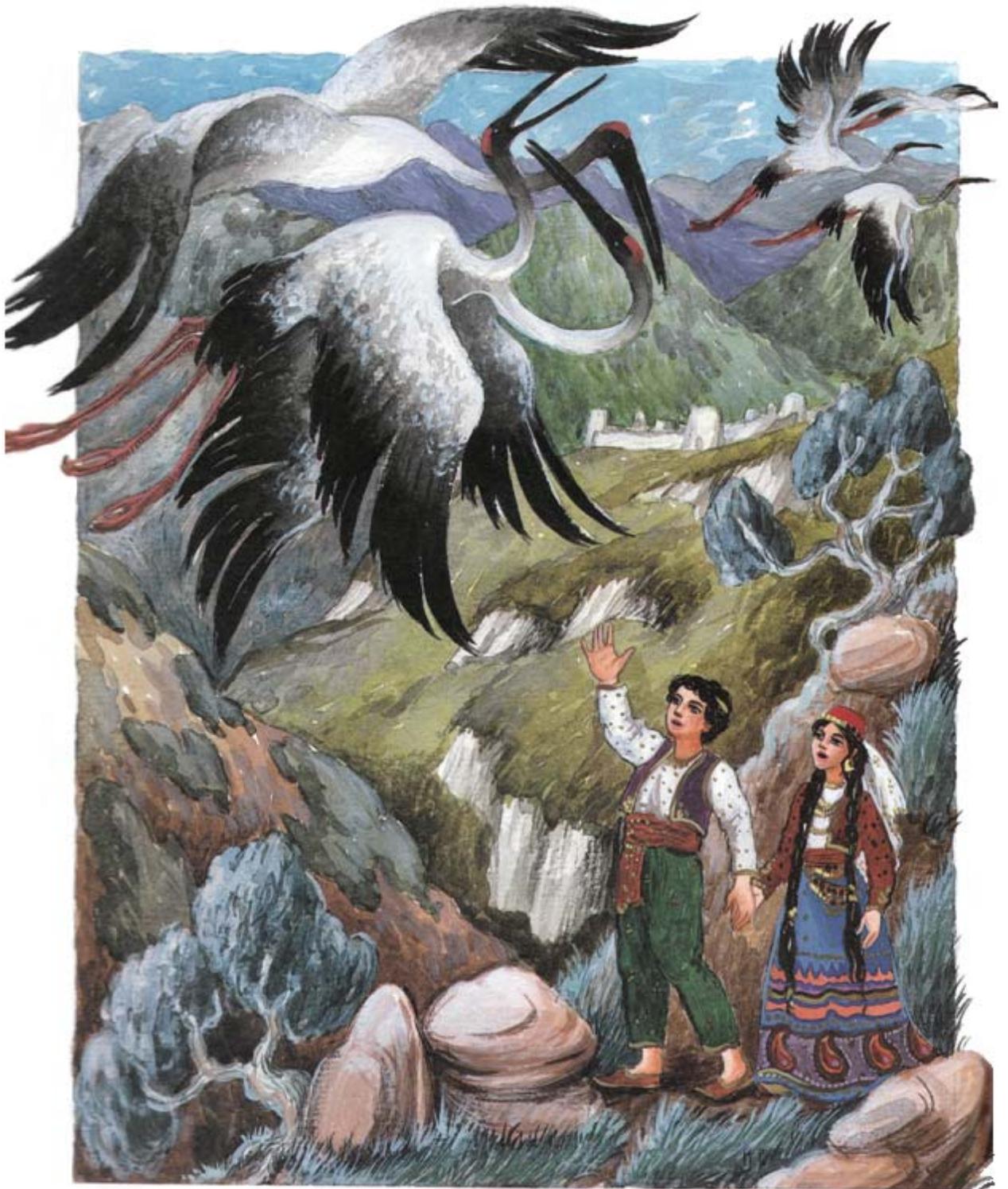
Дети послушно проследовали за стариком по вьющейся вниз тропинке. Вскоре тропинка вывела их на каменную площадку перед тёмным входом в пещеру.

— Здесь я живу вдали от мира, где люди причиняют друг другу великое множество зол, забывая о Боге, — сказал отшельник.

¹ Муфлон — горный баран.

² Птица Керунк, крунк — журавль (арм.)

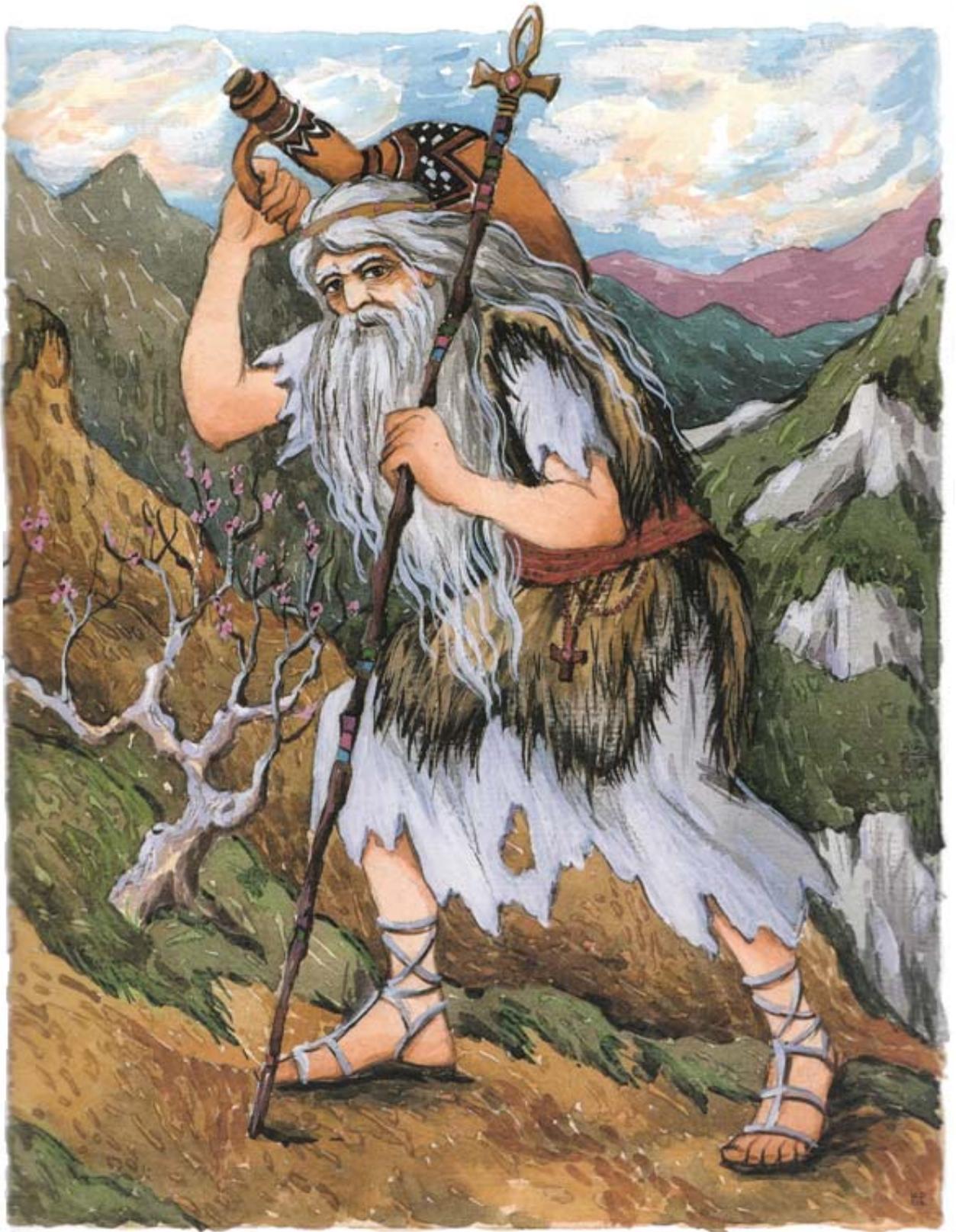
³ Масир, масур — горный шиповник.

Вход в пещеру был узок, и только такие маленькие дети, как Тигран и Манушак, могли войти в неё, не нагнув головы. Но внутри оказалось достаточно светло, потому что пещера была невелика. Там, где стена выгибалась к востоку, дети увидели большой деревянный крест, а под ним камень, на котором лежали цветы. На полу у стены стояло немного глиняной и деревянной утвари, а в дальнем углу валялась на ветвях и сене вытертая овечья шкура.

Отшельник прочёл молитву и дал детям сушёных плодов и воду в кувшине.

— Пусть эта пища будет вам во благо, хотя она и недостаточно сытна, — сказал он. — В моей обители не может быть ничего, приготовленного на огне, потому что огонь никогда в ней не горит.

Тигран вздрогнул, подумав о том, как холодно должно быть отшельнику по ночам в каменной пещере.

— Скажи, святой человек, неужели ты никогда не разводишь здесь огня, даже чтобы погреться? — спросил он.

— Взгляни, разве ты видишь здесь очаг? — сказал отшельник. — Минуло уже три десятка зим, как я дал обет жить без огня во искупление грехов моих предков. Много ложных богов и идолов сменилось в этих краях, прежде чем в них пришла Истина. А мои

предки поклонялись Огню, как это и сейчас делают нечестивые язычники. Сам Сатана, ударив по кремню железом, создал огонь. Огонь же Божий есть только один — молния, удар которой испепеляет грешника. Отказом от одного огня я спасусь от другого.

Дивясь такому благочестию, дети тихо поели фруктов, запивая их водою из кувшина.

— Знаете ли вы, малые дети, кто принёс Истину в землю Наири? — спросил отшельник.

— Григорий Просветитель¹, — тихо ответил мальчик.

— Хорошо, что вы уже знаете это, — сказал отшельник. — Если вы уже поели, возблагодарите Бога и послушайте, что я расскажу вам о Григории Просветителе.

ЛЕГЕНДА О КРЕЩЕНИИ АРМЕНИИ

подобно другим народам, армяне, до того как их озарил свет Христовой Веры, поклонялись ложным богам.

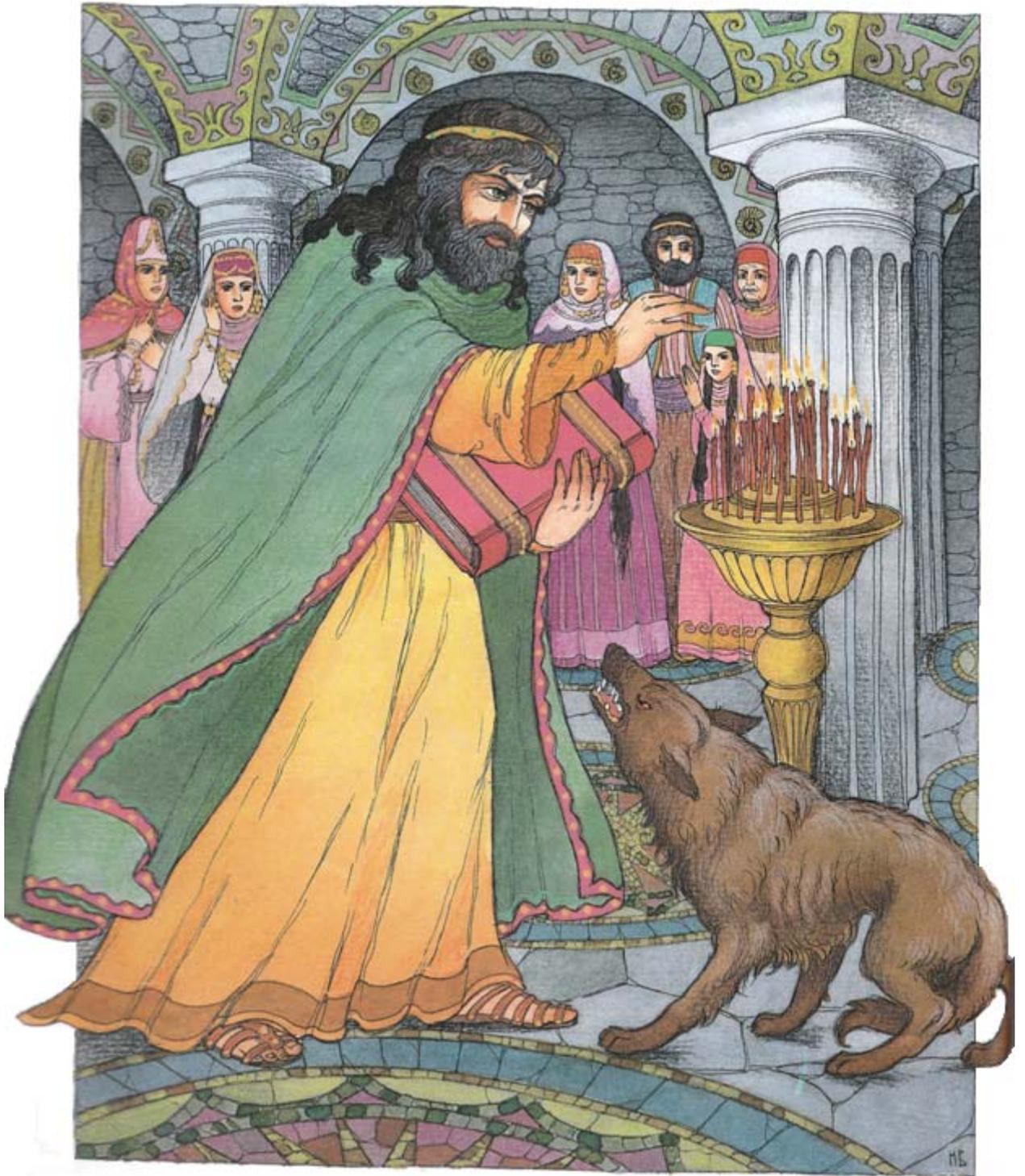
И когда Григорий Просветитель пришёл учить армян, многие, одержимые бесами, пытались ему воспрепятствовать. Они запугивали и убивали людей, которые шли к нему за Истиной. Но Григорий обучил многих и смог основать монастырь Парби на склоне горы Арагац. Тогда враги Григория разъярились и задумали кощунство. Однажды во время Литургии, которую отправлял Григорий в Парби, где был тогда только маленький храм, злодеи швырнули прямо в двери бешеную собаку. Они надеялись, что собака кусает и самого святого, и его паству.

— Если твой Бог силён, — со смехом прокричали святому злодеи, — вылечи эту собаку!

И Григорий поднял руку. Собака задрожала, и пена перестала литься с её морды. Налитые кровью глаза прояснились. Весело залаяв, собака выбежала из церкви совсем здоровою.

А святой и его паства возблагодарили Бога. С этих пор в Парби стали приводить людей, укушенных бешеными собаками, и все они исцелялись.

¹ Григорий Просветитель — первый католикос Армении, крестивший страну в 301 г. при царе Тиридате.

Но злодеи не успокоились и донесли на Григория царю Тиридату.

— Он говорит, что твоя власть — ничто перед его Богом, — нашептывали они царю.

— Он узнает, что в моей власти заставить его отречься от этого Бога, — злобно усмехнулся царь и приказал схватить Григория и привести во дворец.

— Дошло до меня, что ты учишь моих подданных чтить не меня, а своего Бога, — сказал Тиридат, когда святого привели к нему в цепях. — Откажись от него, или я прикажу посадить тебя в хор-вираб, страшную яму, полную скорпионов и змей!

— Делай со мной что хочешь, — отвечал святой. — Я не боюсь тебя, а ты устроишься Божьего гнева!

— Пусть скорпионы и змеи съедят его! Никто ещё не пережил в этой яме одних суток! — закричал царь.

— Ты гневишь моего Бога, царь, — сказал святой. — Гляди, как бы он не сделал так, что тебе до конца дней твоих не будет страшен укус змеи.

И никто не понял этих слов.

Царские слуги бросили Григория в страшную яму, а потом ушли прочь, уверенные, что он умрёт раньше, чем они достигнут дворца.

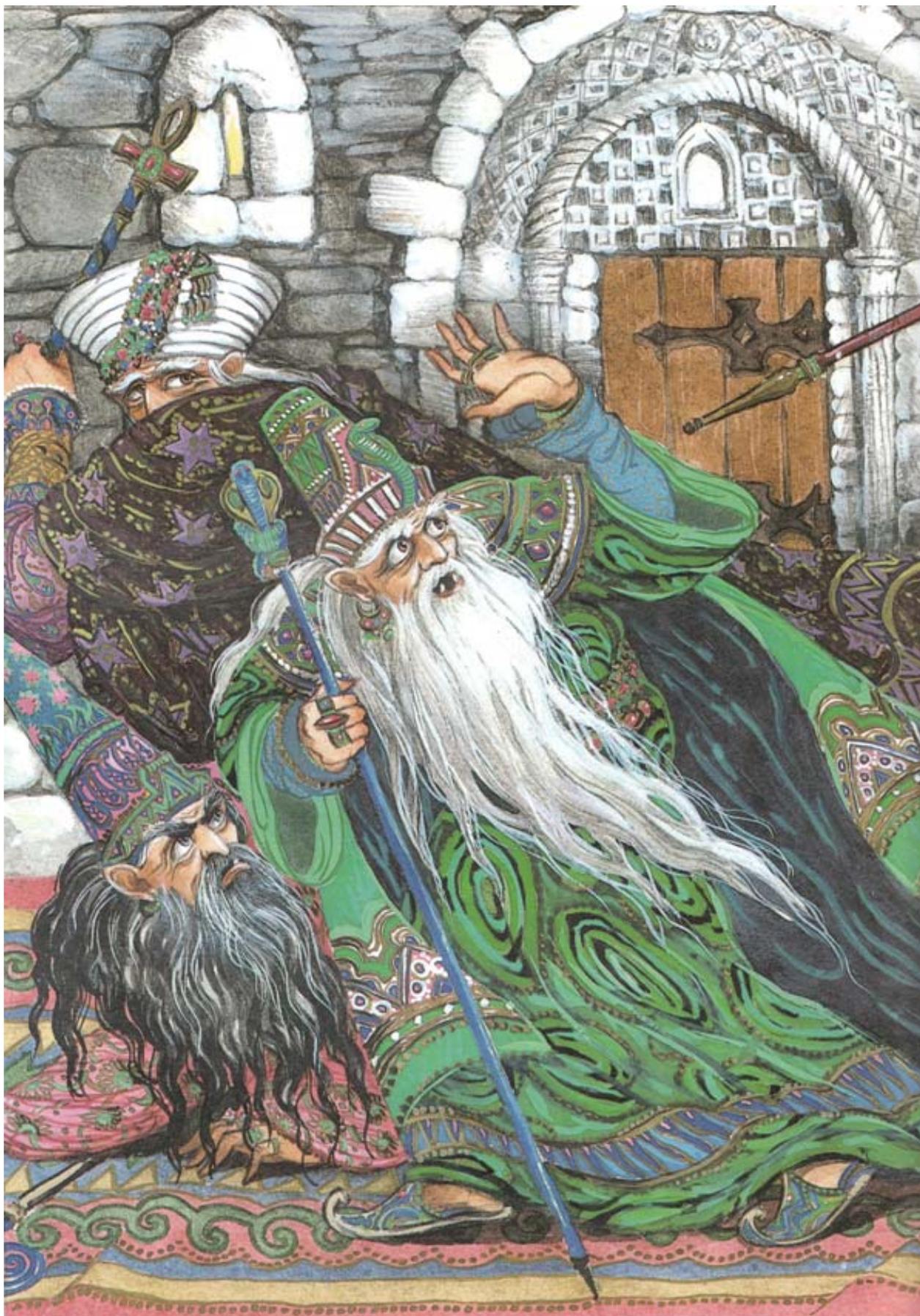
И другие люди, в том числе и те, кого учил Григорий, подумали так же. Только одна бедная вдова не поверила, что Бог допустит этой лютой смерти. И на другой день она

потихоньку пришла к яме, принеся с собой пищу. И она увидела, что святой жив и невредим на дне ямы, кишасцей змеями и скорпионами. Тогда вдова спустила ему еду. И так стала она тайком поступать каждый день.

А царь Тиридат тем временем пировал в своём дворце. И вот, прямо на пиру, случилось страшное: тело царя с головы до ног покрылось густой шерстью. Зубы его начали расти и превратились в клыки, а нос вытянулся в безобразное свиное рыло. И

вот уже не человек, а дикий кабан сидел за пиршественным столом! В страхе разбежались придворные.

Но никто не вспомнил слов святого. А между тем известно, что кабан — единственное животное из всех, не подвластное змеиному яду. Укус самой страшной змеи не причиняет вреда кабану.

Каких только наград не предлагали тому, кто вернёт царю человеческий облик!

*Приходили во дворец и колдуны, и лекари. Но усилия их были напрасны.
Пятнадцать лет просидел Григорий в змеиной яме.*

И на пятнадцатом году царевне Хосровадухт, сестре Тиридата, привиделся вещий сон. Приснилось царевне, что в яме, кишасей скорпионами и змеями, томится живой и невредимый человек. И услышала царевна грозный голос, который говорил: «Это гнев Мой обрушился на Тиридата! За то, что хотел он умертвить Григория змеями, Я сделал его самого животным, что не страшится змей. Только заступничество

Григория может вернуть ему образ человеческий!»

И царица, проснувшись, поспешила к брату и всё рассказала.

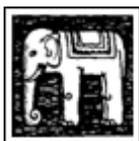
И придворные отправились к змеиной яме. И увидели они Григория живым и невредимым. Тогда извлекли они святого из ямы и упали перед ним на колени, моля его не попомнить зла и помочь царю Тиридату.

И Григорий пошёл в царские покои и молился за царя.

И Бог услышал его молитву и вернул Тиридату человеческий облик.

И сердце царя исполнилось радости, и просил он Григория крестить его, и его семью, и всё его царство.

А на том месте, где зияла на берегу Аракса страшная яма, построили церковь. И дали ей название Хор-Вирав.

Как закончил свой рассказ отшельник.

— Никогда не забывайте этого, дети, — вымолвил он. — Нет такого чуда, которого не сотворил бы Бог, если вы имеете веру. А теперь я выведу вас на тропинку, по которой ближе всего дойти до крепости. И постарайтесь впредь не ходить сюда зря, чтобы не мешать мне в моих молитвах.

— Благослови нас, святой человек, — попросил Тигран.

Отшельник благословил детей и сказал:

— Ты, мальчик, растёшь в крепости. Если Бог не судит иначе — тебе быть воином. Запомни, если в страну придут враги христианской веры — война с ними угодна Богу. А ты, девочка, почаще молись святой Рипсимэ¹, которую два великих царя звали замуж, а она отказала обоим, потому что была верна христианской вере. А теперь поспешите, так как становится поздно, и, как я вижу, наступают неподходящие времена для того, чтобы малые дети гуляли вдали от дома.

Дети не поняли последних слов отшельника, но поспешили вниз по указанной им тропинке, видя, что уже смеркается. Тропинка спускалась круто, но довольно быстро вывела их к крепости.

Когда дети подбежали к воротам, опустилась темнота. Стражник уже вышел запирать ворота, и дети побоялись, что он рассердится и приберёт их. Но стражник только крикнул им, чтобы входили поскорей, и тут же загремел засовами. Не стали ругать детей и дома, словно никому не было и дела до того, что они вернулись затемно.

Что-то непонятное творилось в крепости.

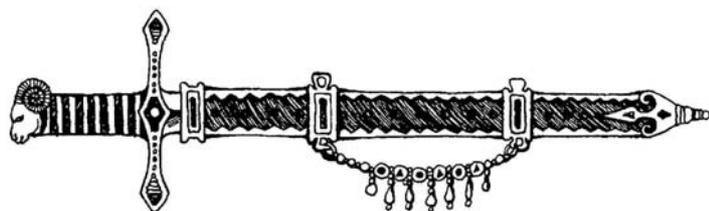
Как обычно, вился дымок над очагами во внутренних двориках: женщины пекли к ужину ячменные лепёшки и жарили баранину. Но не было слышно весёлых возгласов, с которыми хозяйки заходят друг к дружке за стручком перца или щепоткой соли, да уж

¹ Рипсимэ — армянская христианская мученица, погибшая в 282 г.

заодно и останавливаются в дверях перемыть кости соседям. Мужчины не распивали неторопливо молодое домашнее вино. Кажется, даже малыши играли тихо, чуя неладное от взрослых.

Тигран и Манушак прожили на свете так мало, что всё это было им незнакомо. Человек, поживший дольше, сразу понял бы, что в крепость вошла тревога. Неслышной поступью прошла тревога по улочкам — и там, где она проходила, замирал смех и гасли улыбки.

в доме бдеша Быка шёл военный совет. Двое разведчиков — молодых воинов с быстрыми ногами и зорким глазом, способных пробраться по крутым и неприметным козьим тропкам, держали речь перед князем и сотниками. Хмуρο было лицо князя, озабочены сотники.

— Пользуясь темнотою, мы подкрались совсем близко к дороге и услышали чужую речь, — говорил старший из разведчиков. — Но и без этого было ясно, что идут захватчики. Ночь не позволила перечесть людей, но мы насчитали дюжину боевых слонов. Велик был и обоз, что тащился за войском. Есть у них с собою длинные лестницы и камнемётные машины.

— Поклонники огненного культа вновь несут на своих копьях войну в христианские пределы, — с печалью промолвил самый старый из сотников.

— В скольких днях пути вы встретили их? — спросил бдеш.

— В пяти днях, — ответил разведчик. — И опередили на два, потому что бежали налегке. Враги в трёх днях отсюда.

— Ворота Наири будут закрыты, — молвил бдеш, и сотники ответили согласным молчанием.

За полночь длился совет. Князь отдавал приказы. Нужно было сосчитать запасы в кладовых, укрепить стены, подготовить оружие. Надо было определить каждого человека на своё место во время осады и боя. Много забот несла война, но воины рады были тому, что заботы на трое суток опередили войну.

Последним покинул бдеш комнату, где шёл совет. Не спеша вышел он во дворик, постоял у затухшего очага под звёздным чистым небом. Глубоко вздохнул бдеш — скоро и днём и ночью забудет крепость о покое и тишине. И тут заметил он мальчика, затаившегося за деревянной колонной.

— Что ты делаешь тут, племянник? — сердито сказал бдеш. — Разве ты не знаешь, что не следует мальчику слушать, о чём говорят мужчины?

— Пожалуйста, прости меня, дядя! — сказал мальчик. — Я больше не поступлю так, только скажи мне, что такое боевой слон?

— Сколько тебе лет, племянник? — спросил бдеш с невесёлой улыбкой.

— Девять, дядюшка, — ответил Тигран.

— Девятилетний мальчик не знает, что такое боевой слон, — задумчиво проговорил бдеш. — Значит, более девяти лет страна Наири не видела чужеземных набегов. Что же, пора. Хорошее кончается, так же как и плохое. Слоном называют огромного зверя с большими ушами и таким длинным носом, что нос этот служит ему как рука.

— А какая у него шкура — пёстрая, как у тигра?

— Нет, гладкая, вроде бычьей.

— А этот зверь больше быка?

— Много больше. Своей ногой слон может раздавить человека, а носом поднять большое бревно. Людей же, которые на нём сидят, всадник с коня не сможет достать копьём.

— И я скоро увижу этих зверей, дядя? — обрадованно спросил Тигран.

— К сожалению, увидишь, неразумный мальчик, — улыбнулся князь.

— Не смейся надо мной, дядя! — покраснел Тигран. — Я уже большой и понимаю, что эти звери несут нам зло. Просто мне так охота на них взглянуть! Дядя, но ты уже всем дал поручения на время осады? А что буду делать я?

— Ты? Твоя война ещё не родилась. Будешь подтаскивать на стены корзины с

камнями и стрелы вместе с другими мальчишками. Да, вот ещё что! — князь нахмурился. — Завтра возьми с собой девочку и ступайте жить к старухе гадалщице Мариам. Если крепость возьмут штурмом, моя жена умрёт вместе со мной, но в бедном домишке старухи вас, быть может, не найдут.

— Но дядя...

— С каких пор дети возражают взрослым? Поступай как я сказал и, смотри, с завтрашнего утра не докучай мне разговорами, бдешку будет не до мальчишки. Но помни, дитя моего брата, что я всегда любил тебя как родного сына.

Князь повернулся и ушёл в дом. Мальчик остался ещё в темном дворике, боясь, что кто-нибудь увидит слёзы у него на глазах. Он понял, что дядя простился с ним навсегда.

наутро в крепости закипела работа. Каменщики месили раствор, гружённые камнями повозки поднимались в ворота и возвращались пустыми, в кузнях стучали молоты. Дети бегали от одного места к другому, веселясь как на празднике. Но и взрослые повеселели — дело гонит тревогу.

Никем не замеченный в этой суете вошёл в крепость толстый бродячий торговец с тонким женским голосом. Не обратили на него внимания потому, что шёл он со стороны, противоположной той, откуда ждали врагов. Откуда было знать защитникам крепости, что это был не торговец, а доверенный слуга царя захватчиков, который нарочно пустился в путь много раньше войска, чтобы обогнуть крепость и подойти к ней изнутри страны.

— Плохой день ты выбрал для торга, отец воздуха, — насмешливо сказал один из воинов. — Ни одна женщина не купит сейчас золотого украшения из страха, что недолго будет его носить.

Не обратив внимания на эти слова, торговец повёл своего нагруженного ослика к дому бдеша. Служанке, которая вышла ему навстречу, он сказал, что хотел бы показать княгине свой товар. Служанка пошла к княгине и спросила:

— Госпожа, там пришёл торговец украшениями. Прикажешь гнать его прочь?

— Нет, отчего же, — ответила Джангюлюм. — Приведи его сюда, я хочу посмотреть, что он привёз.

Служанка подумала, что нехорошо княгине любоваться драгоценностями, когда её муж готовится к тяжёлой войне, но не посмела сказать. Она провела торговца в убранные коврами покои княгини.

Торговец с низкими поклонами разложил перед красавицей свой товар: золотые браслеты с тонкой чеканкой, перстни и разноцветные бусы, золотые цепочки и костяные гребни.

Глаза Джангюлюм загорелись: она склонилась над украшениями, перебирая их и рассматривая.

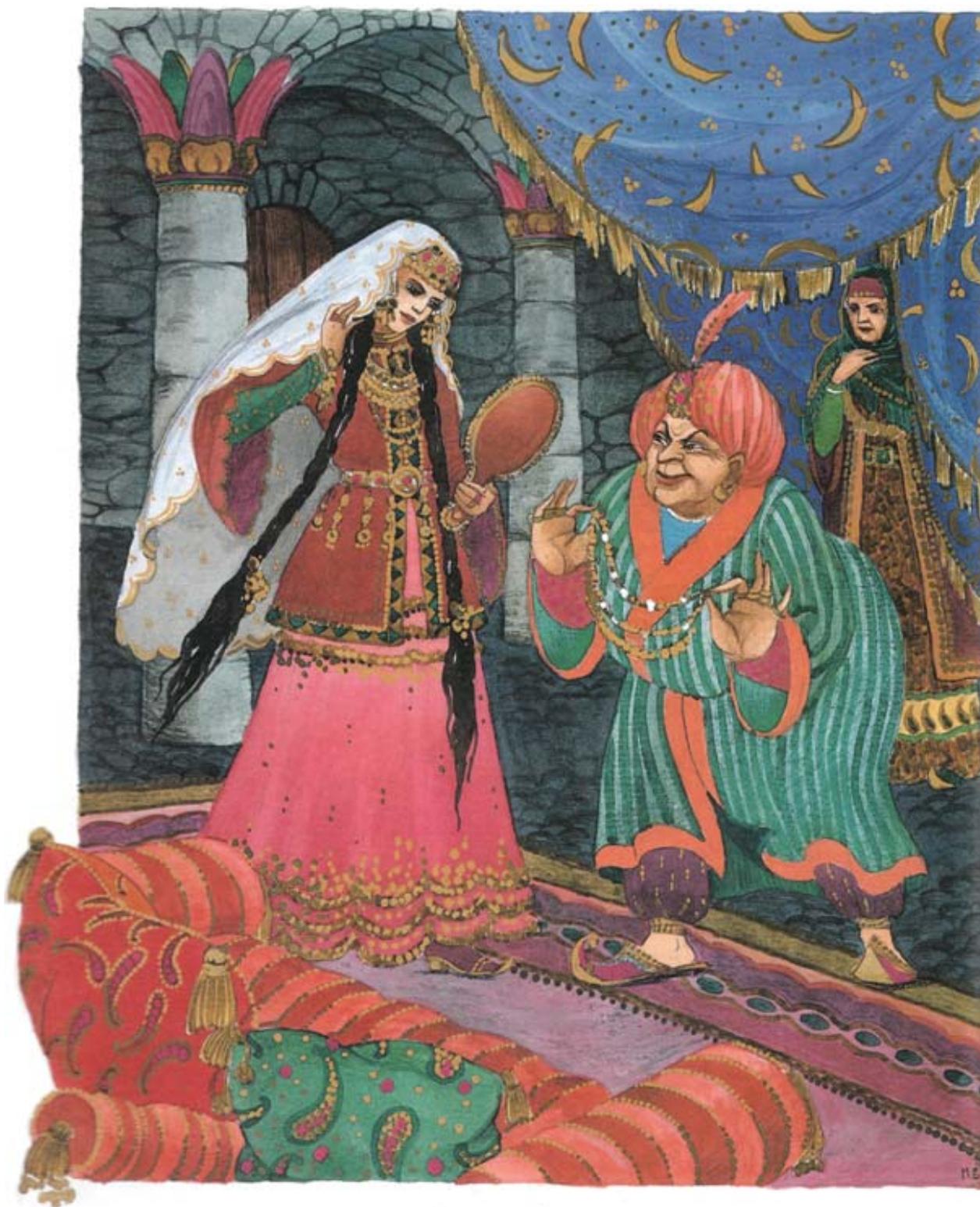
Старая служанка опять ничего не посмела сказать, но посмотрела так сердито, что княгине стало неприятно.

— Ну что ты стала в дверях? — сказала она. — Иди работать, я позову, когда ты мне будешь нужна.

Служанка вышла, а торговец обрадовался. Десяток способов таил он в голове, как сказать княгине несколько слов по секрету, а всё получилось само собой.

— О Цветок Красоты, слава о которой идёт по всему свету, прекрасная Джангюлюм! — льстиво заговорил он, глядя, как княгиня примеряет перед бронзовым зеркалом

золотое ожерелье. — Такого ли ожерелья достойна твоя лебединая шея? Таких ли браслетов достойны твои лилейные руки?

— Я не понимаю тебя, торговец, — нахмурилась княгиня.

— О черноокая! — воскликнул хитрец. — Дозволь мне вымолвить несколько слов, не опасаясь твоего гнева.

— Говори, а прогневаюсь я или нет, ты узнаешь после, — ответила княгиня.

Только этого и надо было торговцу. Он заговорил ещё лстивее и слаще:

— Могу ли я говорить лучше, чем зеркало, что ты держишь в руке? Молва о твоей

красоте достигла ушей нашего царя. Сотня чернокудрых красавиц с подобными звёздам очами украшают его гарем. Но ни одна из них не сравнится с тобой, чей лик подобен полной луне, а стан тонок, как кипарис. Сердце царя вспылало любовью к тебе, несравненная Джангюлюм!

— Ах ты, дерзкий толстяк! — воскликнула княгиня. — Твои пятки ответят под палками моих слуг за то, что твой язык посмел сказать такие слова жене моего мужа!

— О, змеекосая Джангюлюм, — отвечал хитрец, нимало не испугавшись. Ум его был остёр и глаза наблюдательны. Он знал уже, что женщина гневается не так сильно, как хочет показать. — Кто твой муж рядом с нашим царём? Всего лишь князь небольшой крепости! Может ли он окружить твою красоту теми богатствами, которых она заслуживает, как рубин — золотой оправы? Велик ли почёт быть его женой? Да и долго ли будешь ты получать даже эти малые почести? Сегодня ты — княгиня, а завтра тебя повлекут закованной рабыней на невольничий базар! Воистину жене пограничного князя жить так же спокойно, как человеку, что спит рядом с логовищем льва!

— Ты говоришь правду, — со вздохом молвила княгиня.

— Твоя судьба в твоих руках, о несравненная! Только пожелай — ты станешь первой женой в гареме нашего правителя! Другие жёны будут угождать тебе! Царь созовёт лучших поэтов и велит им воспеть твою красоту! Ноги твои будут ступать только по шитым золотом тканям! Пожелай — и ты покинешь эту крепость, как жемчужина покидает невзрачную раковину, и засияешь в лучах любви могущественного владыки.

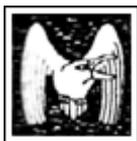
— Нет, одного желания мало, — печально сказала княгиня. — Мой муж не отдаст меня, даже если царь предложит ему в обмен отступить от границ Наири!

— Ответ любовью на любовь царя, и твоё сердце подскажет тебе, что делать, чтобы поскорей попасть в его гарем, о сладостная Джангюлюм! А сейчас позволь мне удалиться. А все эти украшения возьми как знак расположения великого правителя, пославшего меня к тебе в далёкий путь, чтобы сказать тебе о его любви.

С этими словами хитрец, низко кланяясь, покинул княгинины покои. Он был доволен. Он знал, что тщеславие женщины страшнее змеиного яда.

А княгиня осталась сидеть над украшениями. Но теперь она даже не смотрела на них.

инуло два дня. Утих шум работ. Крепость стояла, как человек, застывший с натянутой тетивой в ожидании броска зверя.

Намертво затворились могучие ворота. Блеском стрел и дротиков оцетинились бойницы.

Ждали люди. Ждали горы — окаменевшие древние великаны, повидавшие многие сотни людских войн.

Рассвет третьего дня донёс слабый шум, напоминающий реку, бегущую по камням. Шло вражеское войско. Шум опередил его на несколько часов, как тень забегает впереди человека.

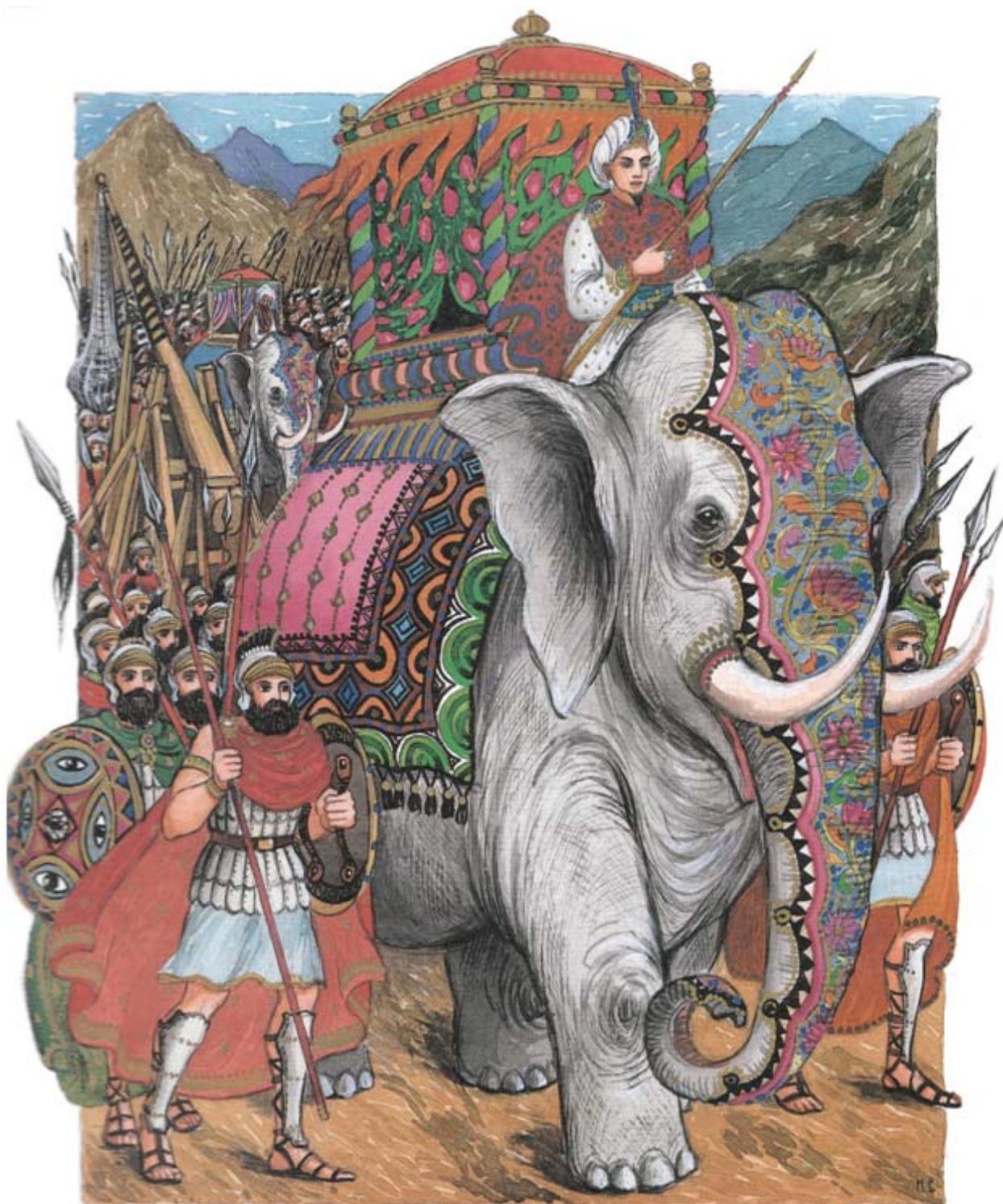
Но вот в солнечных лучах заблестел металл. Сверкали шлемы и щиты, доспехи и наконечники копий. Казалось, что по дороге вьётся змея в золотой чешуе или течёт река блестящего металла. По колено в этой реке тяжело ступали слоны. На шее каждого слона сидел человечек-погонщик с бронзовым длинным кайлом в руке. На спине слон нёс нарядную беседку, в которой сидели вооружённые люди.

Звенел металл, ржали кони, стучали по камням колёса повозок, слышалась чужая речь. Река войны подступила к каменной плотине. Так началась осада крепости.

рошло несколько дней, прежде чем враги решились на первый штурм. Вся жизнь переменилась, и дети привыкли к этой перемене быстрее взрослых. Внизу, там, где прежде только белели камни и шелестели травы, да тянул ветви кустарник, раскинулись теперь яркие шатры. Ржали резвые кони, всадники, как бы дразня обитателей крепости, состязались в ловкости. Дымились походные костры — их было столько, что по ночам сама темнота казалась расцветшей алыми цветами. А по утрам лучи солнца не могли наиграться с блестящим металлом. Иногда меткая стрела со стен доставала конного или пешего, дерзнувшего подступить слишком близко. И тогда маленький человечек валился на землю, смешно раскидывая руки.

Что и говорить, мальчишкам нравилась эта весёлая жизнь! Нравилось наблюдать за медлительными могучими слонами — чего бы ни отдал, чтобы прокатиться на таком! — нравилось бряцание оружием на каждом шагу, нравилось, похваляясь друг перед другом, кидать камешки в сторону вражьего лагеря.

Весело жилось и девочке Манушак. Хоть старухе вдове и было дел втрое больше обычного, она отчего-то не гнала девочку прочь. Наоборот:

- Разотри-ка в ступке эти коренья, Манушак!
- Хорошо, тётушка!
- Добавь этой травы, девочка!
- Сделаю, тётушка!

— А теперь гляди — траву я кладу так, чтоб было её вдвое больше, чем кореньев. Размешаем мы это с топлёным жиром. Мазь эту надо накладывать, когда рана нагноится. А эту кору мы толчём и вымачиваем в свежей воде. Её клади на свежую рану, чтобы остановить кровь. Запомнила?

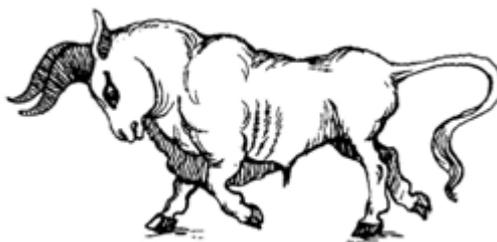
— Запомнила, тётушка!

Хоть бы каждый год сидеть в осаде!

И только когда упал рядом с разможенной камнемётом головой первый воин, когда донеслись снизу тяжёлые гулкие удары тарана в ворота, когда совсем близко из-под стен донеслась гортанная незнакомая речь, переходящая в крики под каменным дождём, — только тогда детям стало страшно.

Но захватчики отступили быстро, словно первый штурм был не всерьёз. Их предводитель отправил посла, предлагая осаждённым сдаться. Но не словами ответили осаждённые, что не желают говорить о позорном деле: со стены упала голова посла.

И вновь наступили дни затишья.

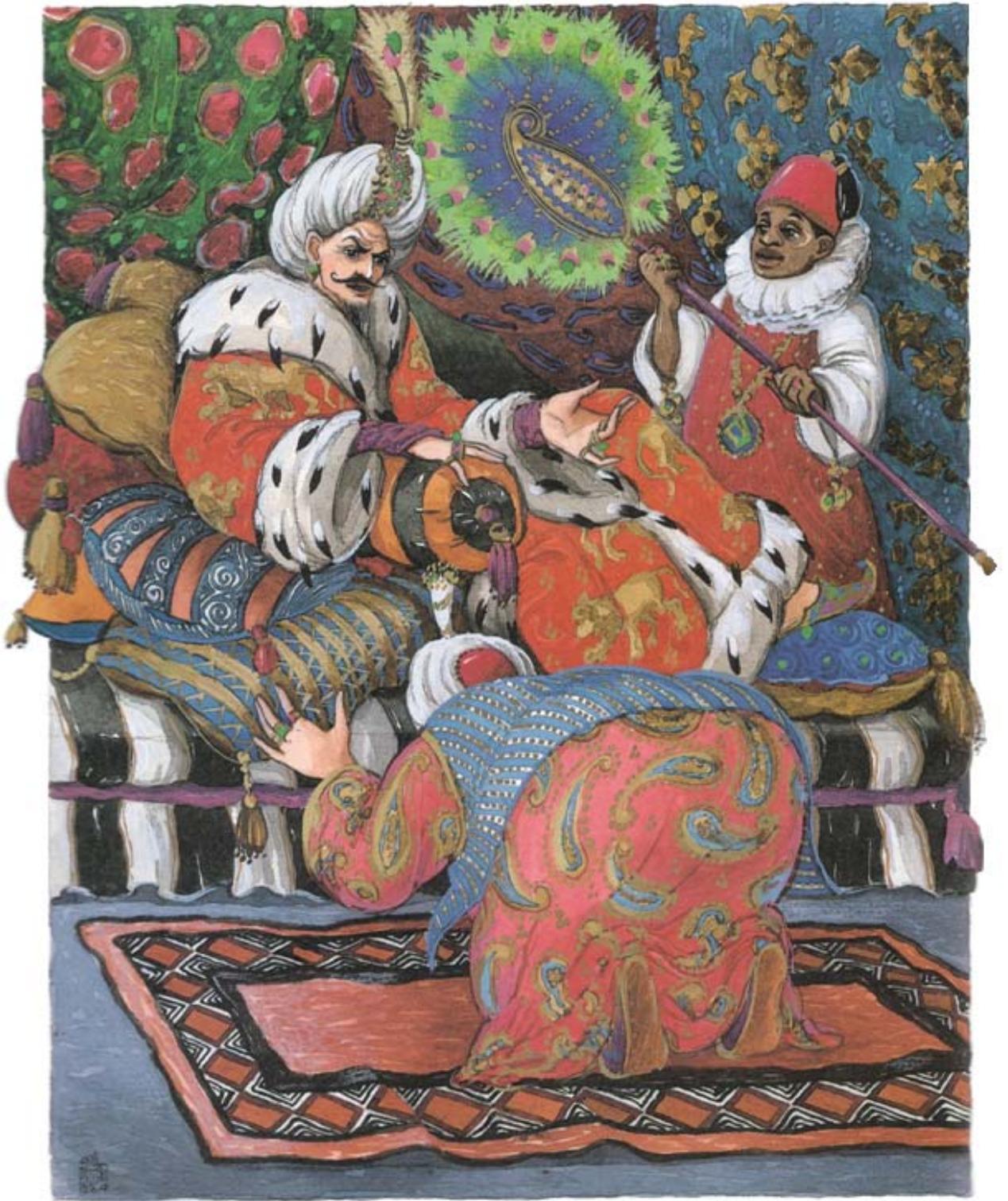
Возлежа на коврах в своём лазурном шатре, шитом золотыми цветами, вражеский правитель слушал склонившего перед ним колени хитреца.

— Я посажу тебя на кол, если ты ошибся. Верно ли, что в крепости нет своей воды?

— О великий из великих, от чьей поступи содрогается Вселенная! — трепеща, отвечал толстяк. — Я провёл в крепости более суток, и не было места, где я не попросил бы напиться! Мне ни разу не дали холодной воды! Всякий раз вода была такой, как если бы хранилась какое-то время в кувшине. Осла моего я поил из корыта для скота, в которое воду также приносили и подливали. Возможно, их запасы обильны. Но из источника, что близ крепости, теперь поим своих лошадей мы. Рано или поздно к ним придёт жажда.

— Я не стал бы тратить времени, если б не рассчитывал на это — угрюмо произнёс царь. — Но лучше пожертвовать временем, чем людьми. Хорошо ли ты говорил с той женщиной?

— Я поливал цветок её тщеславия водой лести, о великий, — отвечал хитрец. — Но не прогневайся на своего раба — я не отвечаю за всходы. Ты решил ждать, о мудрейший! Время покажет всё.

мальчик Тигран тем временем стоял у княжеских кладовых, глядя, как слуги выносят из них пустые бурдюки и складывают на землю.

— Для чего так много бурдюков? — спросил он подошедшего молодого воина по имени Давид.

— Для воды, глупый! — рассмеялся тот, показав белые зубы. — В другое время я предпочёл бы наполнить их весёлым вином, но иной раз случается в жизни так, что вода слаще и крепче вина.

— А как же их наполнят? — недоверчиво спросил мальчик. — Вокруг наших родников — персидский лагерь.

— Много будешь знать, скоро старым станешь, — вновь рассмеялся воин. — Тебе-то хорошо, спи себе всю ночь да сны смотри! А мне водоносом работать — самое дело для вояки! Ну да ничего — завтра поутру попьём свежей водички, а не той затхлой, что пили все последние дни.

С этими словами воин взвалил себе на плечо два больших бурдюка. Разбирали бурдюки и другие воины.

— Что сказал бдешх? — спросил один другого. — Когда выходим?

— В полночь ровно. Путь неблизкий.

Видя, что на него больше никто не обращает внимания, Тигран пошёл к дому вдовы, где жил с начала осады. Уже смеркалось, но мальчик совсем не хотел спать. Все мысли его были заняты тем, что воины готовились делать вылазку за водой. Уж кто-кто, а Тигран, выросший в крепости, прекрасно знал, что своей воды в ней не было. Женщины всегда ходили к родникам близ ворот, откуда носили её в больших кувшинах на голове. Воины собрались выступить в темноте. Неужели они надеются запастись водой незамеченными? Нет, этого не может быть, вокруг родников выставлены вражеские часовые. Или одни будут набирать воду, а другие — отражать врага? Сколько же тогда погибнет народу!

Мальчик ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть. Сон не шёл к нему. Наконец он нащупал в темноте свою одежду, оделся и тихо выскользнул из дома. Ноги сами несли его к покоям князя.

При пляшущем свете факелов на площади собирались воины.

— А ты что здесь делаешь, озорник? — пожилой сотник схватил мальчика за ухо.

— Я тоже хочу за водой! Мне разрешил мой дядя бдешх! — бойко солгал Тигран.

— Ну, если бдешх разрешил, выбирай бурдюк поменьше. Только смотри, не ной, когда ноги начнут отваливаться! — сотник поспешил прочь.

Тигран обрадованно схватил бурдюк.

Несколько человек с факелом и бурдюками вошли в маленькую пристройку, прилепившуюся между складами. За ними вошло ещё несколько воинов. И ещё дюжина! Тигран широко открыл глаза: как же они все уместились в этом крошечном домишке?! А люди всё заходили и заходили. И тогда мальчик понял.

Каменная плита посреди пола была сдвинута в сторону. Широкие ступени вели вниз.

Подземный ход с округлыми сводами, плотно выложенными каменными плитами, уже никому не понятные письмена на которых выхватывало из тьмы пламя факелов, уходил в бесконечную даль. Пахло сыростью и ещё чем-то таинственным и жутким. Не скитаются ли здесь страшные **гишерамайгер** — матери ночи, ведьмы с косматыми волосами и чёрными змеями в руках?

Час или два шли люди — без звёзд над головой не разобрать. Наконец откуда-то повеяло свежим запахом трав. Люди остановились, образуя протянувшуюся под землёй цепь.

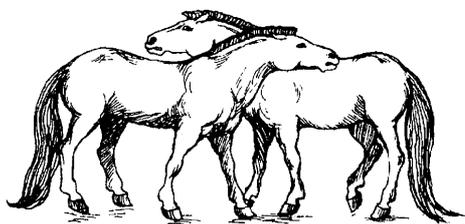
— Держи, что встал, — сердито прошептал кто-то рядом. В руках Тиграна оказался ледяной булькающий бурдюк. Человек сзади уже протягивал за ним руки.

Мальчик понял, что только два или три человека вылезли из хода наружу. Они и наполняют из родника бурдюки. Никто не увидит и не услышит работу, кипящую вдали от крепости!

Хорошо бы оказаться на месте тех, кто снаружи! Увидеть, как журчит в лучах красавицы **Лусин** — луны — вода, вдохнуть влажные запахи цветения! Как же долго, оказывается, ноги не бегали по живой траве!

Потом был обратный путь, показавшийся намного длиннее из-за тяжёлого мешка на спине.

Светлые камни площади розовели в первых лучах рассвета.

...ли дни. Вода в крепости не убывала. Нельзя было сказать того же о пище. Всё строже отмеривались запасы из княжеских кладовых. Голод ещё не пришёл, но поступь его была слышна.

Детям надоело смотреть со стен на вражеский лагерь. Даже повадки слонов не так занимали мальчишек. Грустно стало в крепости.

Старуха гадалка всё чаще собирала в своём маленьком дворике приунывших детей. Что из того, что хлопочут старухины руки над отварами и мазями для раненых — язык-то свободен! Вот и рассказывает старая Мариам обо всём, что осталось за стенами крепости.

— Тётушка, а почему солнце не светит ночью, а выходит его сестрица Лусин?

— Устаёт солнце **Арэв** светить весь день и уходит к матери. Потому и заход его зовём мы «входом к матери» — майрамут. Вот и светит красавица Лусин, пока Арэв у матери во дворце отдыхает, а потом купается в озере Ван.

— Тётушка, верно, что озеро Ван большое-пребольшое?

— Большое, как те озёра, в которых вода солёная как слёзы.

— А человек может его переплыть?

— Не знаю, деточка, не знаю. Одно мне известно, что был в старину храбрый азат, которому это было нипочём.

— Тётушка Мариам, расскажи про этого азата!

— История долгая, детки. Ну да нам спешить некуда, слушайте!

ЛЕГЕНДА ОБ ОСТРОВЕ АХТАМАР

авным-давно, в незапамятные времена, была у царя Арташеса красавица дочь по имени Тамар. Глаза Тамар сияли, как звёзды в ночи, а кожа белела, как снег на горах. Смех её журчал и звенел, как вода родника. Слава о её красоте шла повсюду. И царь Мидии слал сватов к царю Арташесу, и царь Сирии, и многие цари и князья. И стал царь Арташес опасаться, что кто-нибудь придёт за красавицей с войной или злобный вишاپ похитит девушку прежде, чем он решит, кому отдать дочь в жёны.

И велел тогда царь построить для дочери золотой дворец на острове посреди озера Ван, что издавна зовётся «морем Наури», так оно велико. И дал ей прислужницами только женщин и девушек, чтобы никто не смутил покоя красавицы.

Но не знал царь, как не знали другие отцы до него и не будут знать другие отцы после него, что сердце Тамар уже не было свободно. И отдала она его не царю и не князю, а бедному азату, который ничего не имел на свете, кроме красоты, силы и отваги. Кто помнит теперь, как его звали? И успела Тамар обменяться с юношей взглядом и словом, клятвой и поцелуем.

Но вот воды Вана легли между влюблёнными.

Знала Тамар, что по приказу отца днём и ночью следит стража за тем, не отплывает ли от берега лодка к запретному острову. Знал это и её возлюбленный. И однажды вечером, бродя в тоске по берегу Вана, увидел он далёкий огонь на острове. Маленький как искорка, трепетал он во тьме, словно пытаясь что-то сказать. И взглядываясь вдаль, юноша прошептал:

Далёкий костёр, мне ли шлешь ты свой свет?
Не ты ли — красавицы милой привет?

И огонёк, словно отвечая ему, вспыхнул ярче.

Тогда понял юноша, что возлюбленная зовёт его. Если с наступлением ночи пуститься через озеро вплавь — ни один стражник не заметит пловца. Костёр же на берегу послужит маяком, чтобы не сбиться в темноте.

И влюбленный бросился в воду и поплыл на далёкий свет, туда, где ждала его прекрасная Тамар.

Долго плыл он в холодных тёмных водах, но алый цветок огня вселял мужество в его сердце.

И только стыдливая сестра солнца Лусин, взирающая из-за туч с тёмного неба, была свидетельницей встречи влюблённых.

Ночь провели они вместе, а наутро юноша снова пустился в обратный путь.

Так стали они встречаться каждую ночь. Вечером Тамар разводила огонь на берегу, чтобы возлюбленный видел, куда плыть. А свет пламени служил юноше оберегом от тёмных вод, что раскрывают ночью ворота в подземные миры, населённые враждебными человеку водяными духами.

Кто помнит теперь, долго ли, коротко удавалось влюблённым хранить свою тайну?

Но однажды утром царский слуга увидел юношу, возвращающегося с озера. Мокрые волосы его слиплись, и с них стекала вода, а счастливое лицо казалось утомлённым. И слуга заподозрил правду.

И в тот же вечер, незадолго до сумерек, слуга затаился за камнем на берегу и стал ждать. И увидел, как зажётся дальний костёр на острове, и услышал лёгкий плеск, с которым вошёл в воду пловец.

Всё высмотрел слуга и поспешил утром к царю.

Люто разгневался царь Арташес. Рассердился царь, что дочь его посмела полюбить, а ещё более разгневался на то, что полюбила она не одного из могущественных царей, что просили её руки, а бедного азота!

И приказал царь своим слугам быть у берега наготове с быстрой лодкой. И когда тьма начала опускаться, царёвы люди поплыли к острову. Когда проплыли они более половины пути, на острове расцвёл красный цветок костра. И слуги царя налегли на вёсла, торопясь.

Выйдя на берег, увидели они красавицу Тамар, облачённую в шитые золотом одежды, умащённую ароматными маслами. Из-под её разноцветной шапочки-колпачка спадали на плечи чёрные как агат, кудри. Девушка сидела на расстеленном на берегу ковре и кормила огонь из своих рук веточками волшебного можжевельника. А в её улыбающихся глазах, как в тёмных водах Вана, горели маленькие костры.

Увидя незваных гостей, девушка в испуге вскочила на ноги и воскликнула:

Вы, слуги отцовы! Убейте меня!

Молю об одном — не гасите огня!

И рады были царские слуги пожалеть красавицу, но страшились гнева Арташеса. Грубо схватили они девушку и повлекли прочь от костра, в золотой дворец. Но прежде дали они ей увидеть, как погиб огонь, растоптанный и раскиданный грубыми сапогами.

Горько плакала Тамар, вырываясь из рук стражей, и смерть огня казалась ей смертью любимого.

Так оно и было. На середине пути был юноша, когда манивший его свет погас. И тёмные воды потянули его в глубину, наполнили душу холодом и страхом. Перед ним лежала тьма, и он не знал, куда плыть во тьме.

Долго боролся он с чёрной волей водных духов. Каждый раз, когда голова обессилевшего пловца показывалась из воды, взгляд его с мольбою искал во тьме красный светлячок. Но не находил, и вновь он плыл наудачу, а водные духи кружили его, сбивая с пути. И наконец юноша выбился из сил.

— Ах, Тамар! — прошептал он, последний раз показываясь из воды. — Что же ты не уберегла огня нашей любви? Неужели выпала мне судьба кануть в тёмной воде, а не пасть на поле боя, как положено воину!? Ах, Тамар, какая это недобрая смерть! — Это хотел сказать он, но уже не смог. Только одно у него хватило силы воскликнуть: «Ах, Тамар!»

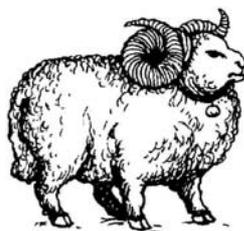
«Ах, Тамар!» — подхватило эхо — голос **каджи**, духов ветра — и понесло над водами Вана. «Ах, Тамар!»

А красавицу Тамар царь велел навек заточить в её дворце.

В горе и скорби до конца дней оплакивала она своего возлюбленного, не снимая чёрного платка с распущенных волос.

Много лет прошло с тех пор — все помнят об их горестной любви.

А остров на озере Ван зовётся с тех пор Ахтамар.

ак и текли невесёлые дни в осаждённой крепости.

Захватчики вновь затеяли штурм, но отступили от стен ещё раньше, чем в прошлый раз. Словно атаковали не всерьёз. Это стало тревожить бдешха. Чего дожидаются враги?

В один из дней бдешх приказал позвать к себе молодого воина по имени Давид.

— Мне доводилось слышать, что мальчиком ты был со своим отцом в тех странах, где держат слонов? — спросил он молодого воина. — Верно ли это, и хорошо ли знаешь ты этих огромных зверей?

— Почтенный бдешх, — отвечал Давид. — Отец мой был богатым купцом, и с малых лет до той поры, когда я довольно возрос, чтобы, к его огорчению, сменить ореховую доску для записи цифр на копье, я сопровождал его во всех странствиях. В каких только странах мы ни побывали! Жили мы подолгу и в странах, где держат зверей, именуемых слонами. Не будет ложью сказать, что я знаком с их повадками, потому что мальчишкой я всегда старался дружить с погонщиками. Слоны нравились мне. Думаю, я мог бы сам ухаживать за слоном и даже погонять его.

— Слушай меня, мой воин, — сказал бдешх. — Враг замышляет какую-то хитрость. Я не знаю, в чём она. Но только глупец ждёт удара. Я же хочу ударить первым. Скажи мне, можно ли сделать так, чтобы слон впал в неистовство?

Некоторое время молодой воин размышлял, а затем со вздохом ответил князю:

— Я мог бы сделать это, бдешх. Слоны в испуге и боли страшны своей яростью. Человек, знающий слонов, смог бы перерезать им сухожилия на ногах, подкравшись во время сна.

— Завтрашней ночью ты сделаешь это, — молвил бдешх. — Возьми по своему выбору несколько человек в помощь. Вы пройдёте ходом, которым мы добываем воду. Раньше не стоило делать этого, но вскоре враги всё равно начнут понимать, что мы пополняем наши запасы воды. Если Богу будет угодно, они не найдут выхода. Он далеко от крепости. Чтобы достигнуть вражеского лагеря в самой густой тьме, вы покинете крепость через четыре часа пополудни. Ступай!

— Приказ твой будет исполнен, бдешх, даже если мне не суждено вернуться!

С этими словами молодой воин поклонился и покинул дом бдешха.

а следующий день, пробегая с мальчишками по площади, Тигран увидел, что дверь постройки, которая скрывала спуск в подземелье, открыта. Несколько легко вооружённых воинов стояли около, что-то обсуждая. Эта вылазка готовилась явно не за водой! Но и не для нападения, слишком мало человек собирались её совершать.

Мальчик вздохнул — он понимал, что на сей раз никакая ложь не поможет, и его прогонят прочь. Воины зашли внутрь.

Ночью мальчик опять не мог заснуть. Так надоел ему каждый закоулок крепости, так рвалась душа наружу! Что делают воины там, внизу, под покровом ночи? Если хотя бы подсмотреть, может быть, он догадается, увидев, как воины возвращаются?

В тесном домике вдовы следовало быть очень осторожным, чтобы выйти неслышанным. Тигран миновал спящую Манушак, сон которой был особенно чутким. Возле постели девочки лежала аккуратно сложенная верхняя одежда. В свете луны было видно, как поблёскивает воткнутая в неё иголка. Манушак никогда не забывала воткнуть иголку в одежду, чтобы девочки-каджи, падкие до нарядов не меньше настоящих девочек, не уташили её на всю ночь. Каджи боятся иголки, потому что укол её делает их видимыми. Нет худшей беды для невидимок!

Оставив дворик позади, Тигран побежал быстрее. Что-то тревожное ощущалось в ночи.

Неожиданно откуда-то снизу донёлся громогласный рёв, страшный настолько, что кровь леденела в жилах. Казалось, ни одно живое существо не может иметь настолько могучих лёгких и огромной глотки, чтобы издать этот полный ярости и муки крик. И, словно откликаясь на него, раздался второй вопль — более далёкий, чем первый, но столь же ужасный. За ним — третий, четвёртый. Казалось, что сама ночь вопила этими дикими голосами.

Застучали двери, в испуге заплакали дети. Слышно было, как мечутся в домах люди, перепуганные таким ужасным пробуждением. Из калитки ближнего дома появилась растрёпанная женщина с двумя малышами в руках. Третий, горько плача, держался за её подол. Из дома напротив выглянула другая женщина, постарше. Страшные крики внизу не утихали.

— Тётушка, что случилось?! — крикнула соседке молодая мать. — Кто так жутко кричит?

— Ой беда, беда, — запричитала соседка, хватаясь за голову. — Вишапы напали на нас ночью!

— Вишапы!

— Это голоса вишапов! — подхватили вокруг.

— Тише, глупые! — воскликнул со своего порога седобородый старик. — Даже если это вишапы или **дэвы**, напали-то они не на нас, а на врагов! Неужели не слышите, что это всё делается внизу?!

Но женщин нельзя было успокоить никакими словами, а молодые мужчины и так бежали уже к стенам. Вслед за ними пустился и Тигран, у которого страх уже сменился любопытством.

К страшным крикам прибавились новые — это были многочисленные, полные ужаса людские вопли.

Только мечущиеся внизу в беспорядке огни факелов можно было увидеть со стен. Лагерь противника был объят непонятным смятением.

Несколько часов не прекращались страшный многоголосый рёв и людские крики. Осаждённая крепость не спала в ту ночь, надеясь, что утро даст разгадку.

И солнечные лучи озарили страшную картину. То там, то здесь виднелись мёртвые тела людей и лошадей, валялись упавшие шатры.

Весь день люди в крепости не слезали со стен, наблюдая, как суетятся осаждающие, убирая мертвецов и восстанавливая разрушенное. Люди смеялись и радовались, пересчитывая вражеские потери. Причина этих потерь была уже отчасти ясна: серыми неподвижными глыбами лежали посреди лагеря слоны. Было ясно, что минувшей ночью слоны почему-то взбесились и, придя в неистовство, передавили множество народу. Супостатам пришлось убить своих же слонов, чтобы избавиться от опасности.

К полудню по крепости пошли слухи о том, почему взбесились слоны. Все нахваливали храбрость и ловкость Давида, а также разум бдешха. Но сердце бдешха не веселили вражеские потери. Слишком хорошо понимал он, насколько велико войско противника. Ничего не меняло и то, что враги лишились слонов. Одну лишь цель преследовал бдешх — напугать их, выиграть время, пока мелики, оповещённые его гонцами, готовят войска для настоящего отпора. Крепость всё равно обречена. Так размышлял бдешх, пока жители крепости веселились.

А к Давиду подошёл в это время мальчик Тигран. Воин с удивлением посмотрел на ребёнка: казалось, только у одного Тиграна было сегодня не весёлое, а печальное, гневное лицо.

— Скажи, Давид, — спросил мальчик. — Все говорят, что ты сделал это со слонами. Правда ли это?

— Истинная правда, — ответил воин.

— Я до конца дней моих буду знать, что ты — жестокий, дурной человек! — в ярости вскричал мальчик. — Я скажу так всякому, кто спросит у меня о тебе! Если бы ты перебил во сне подлых врагов, что хотят захватить нашу страну! Нет, ты изувечил бедных слонов — таких умных, таких сильных! Если бы мы победили, мы могли бы взять их себе! И сами ездили бы на них в красивых башенках и приказывали бы им ложиться, и вставать, и идти! Бедные звери, говорят, обезумев от боли, катались по земле!

— И давили наших противников, — негромко сказал воин, серьёзно глядя в лицо мальчика.

— Ну и что из того! Всякий гордится красивым конём, отнятым у врага! Разве слон хуже коня? Разве он в ответе за хозяина?

— Нет. Но хозяин в ответе за слона.

— Я не понимаю, что ты говоришь.

— Постарайся понять, Тигран. Ответь мне, как зовут ту девочку, с которой ты так часто играешь вместе?

— Её зовут Манушак, — удивлённо ответил мальчик.

— Скажи, Тигран, что ты сделал бы, если бы слон, умный могучий слон, своим гибким носом-хоботом схватил бы эту девочку, поднял бы высоко кверху, ломая ей рёбра, — ведь в хоботе слона силы не меньше, чем у огромного удава, — а потом бросил бы её на землю и раздавил ногой, и от весёлой резвой девочки осталась бы только кровавая лепёшка? Что бы ты тогда сделал, племянник бдешха?

— Я... не знаю... Я убил бы слона!

— А кто был бы виноват в том, что сделал слон?

— Враги!

— Я был таким же мальчиком, как ты, когда в первый раз увидел слонов, — с печалью заговорил Давид, усевшись на нагретом солнцем камне. — Они полюбились мне не меньше, чем тебе. В той стране, где я их увидел, слоны не воевали, а работали вместе с людьми. Я видел, как слон поднимает хоботом огромное бревно и переносит с места на место. И дом, который помогали строить слоны, рос на глазах. Я подумал тогда — как же должен гордиться человек, научивший столь превосходящего его силой зверя работать на себя! А сегодня я думал другое. Какой позор падает на человека, что он научил могучего слона убивать и топтать, уничтожать всё на своём пути! Я сказал тебе, что не слон в ответе за человека, а человек за слона.

Давид замолчал.

— Святой отшельник в горах говорил, что человек напрасно мнит себя лучшим из Божьих созданий, — негромко сказал мальчик.

— Святому человеку видней. Я не знаю, — невесело ответил воин.

того дня, как в крепости побывал толстый торговец украшениями, беспокойство томило душу княгини. Многие вещи, которые прежде казались ей незаметны, теперь обращали на себя её внимание. Умывается ли она поутру — взглянет на глиняный кувшин, из которого поливает ей служанка, и словно тихий голос шепнёт Джангюлюм: «Ты ли недостойна умываться на серебре?» Подадут ли ей яства на серебряных блюдах, голос шепчет: «Ты ли недостойна есть на золоте?» Ходит ли княгиня в беспокойстве по комнатам, голос тут как тут: «Маловаты твои хоромы!» Склонится ли перед ней почтительная служанка, голос вновь шепчет в уши: «Тремя ли служанками тебе командовать?» Так день за днём точил сердце княгини червь предательства. Сначала она только мечтала о том, как хорошо было бы стать женой царя. Мысли эти сначала были ей приятны, но вскоре княгиня перестала находить в них радость. Сомнения терзали её. Захочет ли он взять её в жёны, если она не сумеет доказать ему своей благосклонности? Не поздно ли окажется, когда крепость будет взята? Но что может сделать она, слабая женщина? Но слабые не случайно превосходят умом сильных...

И так, незаметно для себя, Джангюлюм день ото дня искала ответа на один и тот же вопрос: как оказать помощь царю захватчиков?

мальчик Тигран сдружился в это время с воином Давидом. Давид был добр и не гнал Тиграна прочь, как чаще всего поступали другие воины, а отвечал на все его вопросы. Вопросов же у мальчика всегда находилось множество: и об оружии, и о войне, и о дальних странах.

— Скажи, Давид, а долго ли продлится осада? — однажды спросил он.

— Скорее всего — до той поры, пока в крепости останется жив хоть один воин, — ответил Давид.

— Мой дядя простился со мной в начале осады, — сказал мальчик. — Неужели мы непременно погибнем?

— Нет, быть может, крепость останется жива, — ответил Давид. — Если только нам удастся продержаться достаточно долго и если мелики успеют собрать большое войско и оно выступит навстречу противнику. Тогда и нам быть в живых.

Воин не захотел сказать мальчику, что не очень верит в такую возможность.

— И тогда мы не погибнем?

— Ну, тебе всё равно ещё рано погибать, — улыбнулся Давид. — Это не твоя война.

— Так говорил мне дядя, — обиженно возразил мальчик. — Но я не думаю, что так же считают враги. Они знают, что из мальчишек вырастают мужчины и мстят.

— Если крепость падёт, тебя здесь не будет. Помнишь ход, которым мы пользуемся,

чтобы брать воду? Если штурм нельзя будет остановить, бдешх прикажет увести женщин с детьми этим ходом. Чтобы мальчики смогли вырасти мужчинами и мстить.

— Давид, но почему нельзя всем уйти этим ходом, если противник ворвётся в крепость?

— Сложный вопрос. — Давид в задумчивости помолчал. — Слышал ли ты когда-нибудь про **ачуч-пачуч**?

— Нет. Кто это такие?

— Сейчас расскажу. Если мы, взрослые мужчины, падём вместе со стенами, которые нам доверены, в том не будет позора. Мы исполним до конца свой долг. Смерть же в бою славна. В старину верили, что **аралезы**, духи-собаки, спускаются с неба, чтобы зализывать раны павших воинов. И раны заживают в ином мире, в раю. Но бросить павшую крепость нельзя, надо только умереть вместе с ней. Ничего не изменится, если мы спасёмся, как женщины и дети. Но знаешь, что случится тогда? Дети вырастут немного меньше ростом, чем мы. На самую незаметную капельку ты будешь ниже меня. Но если и ты однажды не поступишь как положено мужчине, то и твои дети выйдут ростом чуть меньше, чем ты. И так каждый жалкий поступок отцов будет отнимать немного роста у детей. И в конце концов однажды вместо людей появятся ачуч-пачуч — карлики, слабосильные и жалкие. И они будут последними на земле. Так придёт конец человеческому роду. Каждый трусливый мужчина, каждая недобрая женщина приближают превращение людей в безобразных ачуч-пачуч.

— А доблестные дела прибавляют роста детям?

— Конечно, прибавляют.

Однажды княгиня застала в доме Манушак — девочка забежала за какой-то из своих вещичек.

— Это ты, Манушак? Зайди ко мне! — ласково сказав Джангюлюм. — Я дам тебе сладкого изюма. — Девочка вошла, удивляясь про себя. Не часто княгиня была с нею так добра. Откуда было знать Манушак, что уже несколько дней дожидается жена бдешха этой встречи?

Княгиня усадила девочку на ковёр и угостила изюмом.

— Да ты выросла за эти дни! — сказала она. — Скоро станешь большой и красивой. Расскажи, не скучно ли тебе у вдовы в её бедном доме?

— О нет, госпожа! — воскликнула девочка. — Совсем не скучно. Я уже научилась делать мази для старых ран и мази для свежих ран, и питьё, что гонит лихорадку, и сонное зелье, которое так нужно при тяжёлой болезни!

— Удивительные вещи ты говоришь, — воскликнула княгиня. — Я могу ещё поверить, что ты сваришь питьё от лихорадки, но чтобы такая маленькая девочка смогла приготовить сонное зелье! Нет, я тебе не верю.

— Мне не пристало спорить с госпожой, — ответила Манушак. — Но это не пустая похвальба.

— Ну-ка я проверю тебя, — сказала княгиня. — Расскажи мне с самого начала, ничего не пропуская, тогда я буду знать, что ты не лгунья. Мне легко тебя проверить, я сама умею варить это зелье.

— Изволь, госпожа, — ответила девочка. И начала рассказывать княгине, как варится сонное зелье. А княгиня кивала головой с таким видом, словно хорошо это знала. А сама запоминала каждое слово. Умна была красивая жена бдешха — она давно заметила, что старуха гадалка провожает её неприветливым взглядом. Ничего не стала бы старая Мариам открывать княгине. Проще показалось ей вытянуть нужный секрет у доверчивой девочки. И расчет её оказался верен.

едленной чередой тянулись дни в крепости. Где-то в глубине страны кипела жизнь: собирались войска, ковалось оружие, совещались царь и мелики. А жизнь в крепости словно застыла на месте. Казалось, что уже сто лет стоит враг под самыми стенами, то идёт на приступ, то отступает. Пение стрел стало привычной птичьего, стоны раненых — обычны, как детский плач.

Одно изменилось — с каждым днём уменьшалось количество пищи. Лежали ещё запасы в кладовых бдешха, но неоткуда им было пополняться. И хотя настоящий голод ещё не подступил, тень его легла на крепость.

Как-то раз воин Давид, проходя вечером мимо одного маленького дворика, увидел молодую женщину, помешивавшую какое-то варево в горшке над очагом.

— Мама, мама, дай поесть бобов, — тянули детские голоса. Детей было не меньше четырёх-пяти.

— Ещё не сварились, — отвечала женщина.

«И как это она умудрилась при стольких ртах сохранить что-то на ужин?» — подумал Давид и прошёл мимо.

Возвращаясь обратно, Давид вновь поравнялся с тем же домиком. Было уже темно, но женщина продолжала помешивать ложкой в горшке, склоняясь над очагом.

— Мама, мама, дай поесть бобов, вон они уже кипят и стучат в горшке! — снова завели тоненькие голоса. Но на сей раз голосов было только два, и те звучали сонно.

— Стучат, значит, ещё жёсткие, — отвечала женщина. — Спице, я разбужу вас, как сварятся.

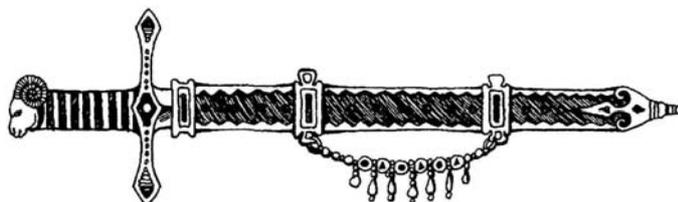
«Что же это за бобы, которые варятся так долго? — подумал Давид. — И что это за странная мать, которая не торопится накормить своих голодных малышей?»

И он остался слушать, стоя за изгородью. А женщина мешала и мешала в горшке — до тех пор, пока детские голоса не умолкли. Только тогда она распрямилась и сняла горшок с огня. Некоторое время женщина прислушивалась, крепко ли спят дети, а потом сказала:

Злой голод, лети прочь от детской постели!
Пускай вам приснится, что ужин вы съели!

С этими словами она распахнула калитку и в сердцах выплеснула содержимое своего горшка наружу. Мокрые чёрные камешки зазвенели по белой мостовой. Давид понял, что они-то и кипели в горшке.

И он ушёл прочь, низко склонив голову.

— Какие мысли омрачают твою душу? — спросил на другой день бдешх, увидев Давида. — Едва ли ты страшишься штурма.

— О, князь! — воскликнул воин. — Как прекрасна была бы жизнь, если бы среди многих стран, что раскинулись по свету, существовала бы где-нибудь Страна Войны!

— Страна Войны? — рассмеялся бдешх. — Что за народ, по-твоему, жил бы в этой стране?

— В ней никто не жил бы, — ответил Давид. — Пусть бы в ней были быстрые реки и крутые горы, густые леса и просторные невозделанные поля. Там никто не выращивал бы плодов земных и не пас скота. Ни одного человеческого жилища, где звучат женский голос и детский плач, там не было бы. Мужчины шли бы туда, чтобы с оружием в руках решать, какому народу быть господином, какому — слугой, кому владеть обильными землями, кому — уходить. Весёлой для храброго сердца была бы такая война!

— Тебе бы быть поэтом, а приходится быть воином! — улыбнулся бдешх. — Но что навело тебя на такие мысли?

И Давид рассказал князю о женщине, которая варила камни.

— Скоро уже придёт пора навек проститься со своими семьями, — мысли о голодных детях мешают воину сражаться. Но всё же этот день ещё не настал. Но прежде, чем он настанет, я прикажу поделить все запасы поровну и одну половину сохранить. А из того, что останется, я велю устроить пир. Какая война ни есть, и на ней должно иногда веселиться сердце.

И бдешх приказал готовиться к пиру.

Повеселели воины, зазвучали шутки и смех на улочках крепости. Обрадованно захопотали женщины. А уж хлопот было много. Удивило всех, что с другими женщинами взялась за дело и жена бдешха. Сама вызвалась она проследить, какое вино будет поставлено на столы.

А чтобы дети не мешались под ногами, пока готовится угощение, старуха гадалка собрала их в своём дворике. И вновь пошли рассказы о чудесах, сказки и загадки. Обо всём знает старуха — о братьях **Ерванде и Ервазе**, детях быка, о великом лучнике **Хайке**, не покорившемся вавилонскому царю Бэлу, о ссоре воды и огня, что доводятся друг другу сестрой и братом.

— Тётушка Мариам, получается, что сестрица-вода сильнее своего братца-огня? Ведь

она гасит его, а он ничего не может с ней поделаться!

— Огонь огню рознь, детки! Перед негасимым огнём вода бессильна.

— Тётушка, а что такое негасимый огонь?

— Огонь, что горит не сгорая. Неведом негасимому огню голод — не нужно кормить его древесиной. Может пылать он и на камне и на воде. Большое волшебство таится в нём.

— А где его добывают?

— Того никто не знает, детки. Есть о том длинная история.

— Тётушка, расскажи!

— Ну уж ладно, слушайте.

ЛЕГЕНДА О НЕГАСИМОМ ОГНЕ

стародавние незапамятные времена жил в своём замке седой царь, чьим царством были горы. Высоко стоял его замок, выше виноградников и полей. Сверкающий иней лежал на зубцах его стен.

Не одну сотню лет прожил на свете могучий царь, но казалось, что старость не властна над ним. Любил он лихих коней, и не было ему равного противника в поединках на мечах. Одно печалило царя — не было у него детей. Трёх жён он пережил, но оставался бездетным.

И вот, когда среди седых волос его уже нельзя было отыскать ни одного чёрного, последняя из царских жён родила ему дочь.

Несказанно обрадовался царь: хороша, как ясная луна, была крошка царевна. Осыпал царь подарками единственное дитя. Заморских зверьков и птиц дарил он девочке для развлечения, редкими тканями украшал её покои, редкими самоцветами — её красоту.

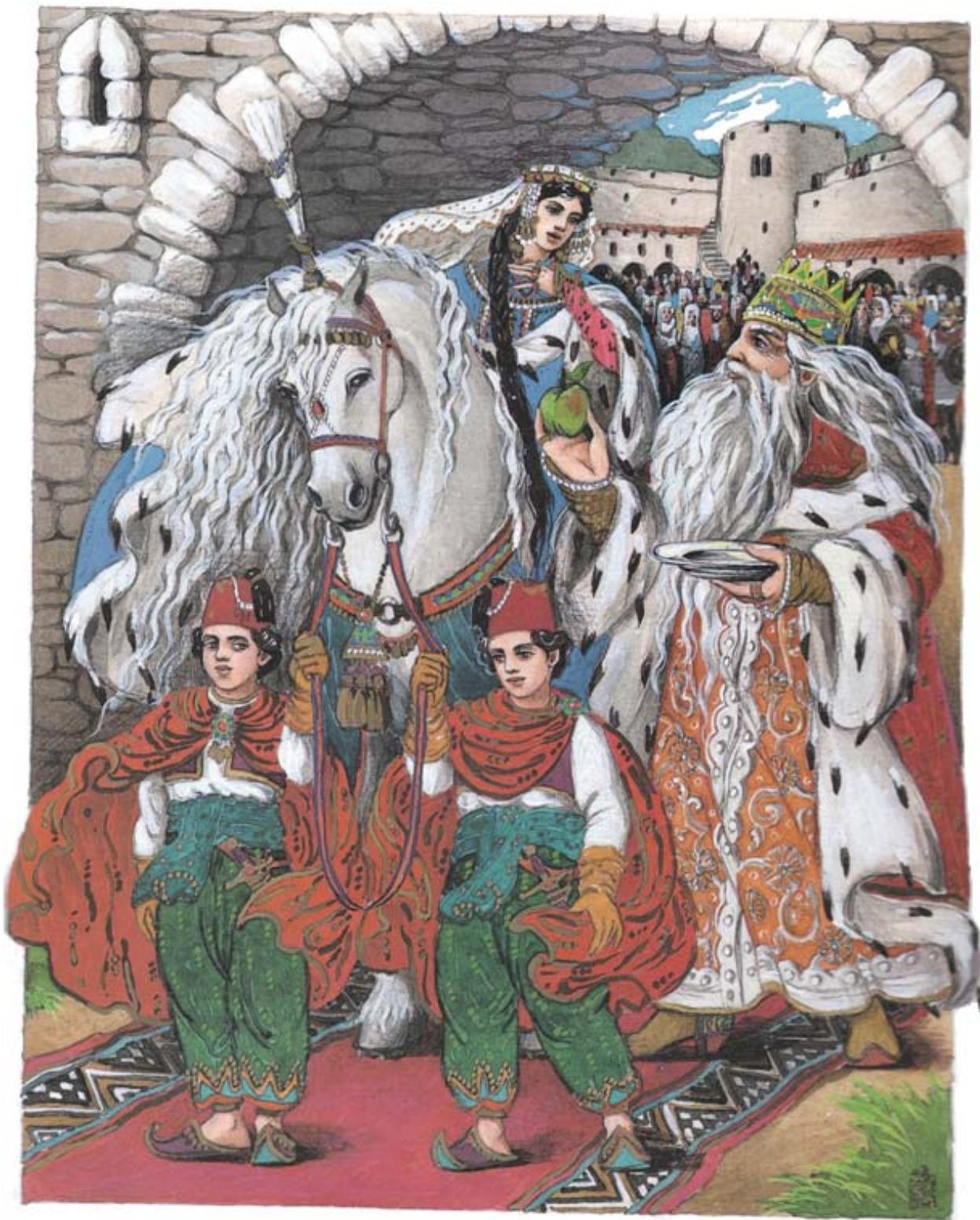
Так росла царевна, ни в чём не зная отказа. Отец её, перед которым все трепетали в страхе, подчинялся её прихотям. Любила девочка и забавы и наряды, но больше всего на свете любила она смотреть, как пляшут в очаге языки огня. Казалось, видит она в пламени какие-то картины, от которых невозможно оторвать взгляда. Когда была девочка маленькой, служанкам приходилось всё время приглядывать за ней: она пыталась хватать пламя пальчиками, обжигалась и горько плакала — скорее не от боли, а от досады.

Любила царевна красные платья и золотые украшения, а из самоцветов — рубины.

И вот пришло время, и царь стал задумываться о том, что не век дочери радовать его седины. День ото дня хорошела царевна — так наливаются золотое яблочко на ветке. День ото дня мрачнел царь, чуя приближение дня, когда дочь переступит порог чужого дома. Одно только утешало его — решение выбрать самого достойного в мужа дочери. Сватались к ней и цари, и князья, но гордый старик не льстился знатным родством. Был он мудр и понимал, что самый достойный — не всегда самый знатный. Поэтому велел царь гонцам скакать во все концы и звать женихов на состязание за руку его дочери.

И примчались на горячих конях в горный замок прекрасные юноши. Были среди них и цари, и князья, и азоты.

И вышли к ним царь и юная царевна — словно грозное облако с ясной луной.

— Взгляни, дочь моя, — молвил царь и кивнул слугам. Ему подали золотой поднос, на котором лежало наливное румяное яблоко. — Эти храбрые всадники прибыли сюда в твою честь. Они будут биться за тебя — и победителю вручишь ты яблоко из своих рук. Это и будет твой наречённый.

С этими словами царь взял с подноса яблоко и протянул дочери.

— Отец мой, — смело отвечала царица. — Я готова вручить яблоко моему наречённому, но истина ли то, что верх в бою всегда держит лучший? Разве не знаем мы о том, как злые народы покоряли добрых, а негодяи убивали праведников?

— Ты мудрая девушка, дочь моя, — отвечал царь. — Воистину, как власть не всегда достаётся справедливому, так победа не всегда даётся доблестному. Но ответ тогда сама — каким мерилom мерить достоинства твоего наречённого? За что ты можешь полюбить храбреца?

— Скажи, царица, за что ты полюбишь одного из нас? — спросили всадники.

— Я навек люблю того, кто принесёт мне Негасимый Огонь! — ответила девушка.

— Что же это такое? Где искать его? — спросили всадники.

— Негасимый Огонь нельзя залить водой, — ответила царица. — Ему не нужно еды — он может гореть и на голом камне. Мне неизвестно, кто владеет им. Быть может, сторожат его злобные вишапы. Быть может, многоголовые дэвы встанут на пути храбреца, пожелавшего добыть Негасимый Огонь. Быть может, Царь Змей с золотыми рогами хранит его глубоко под землёй. Отправляйтесь на поиски, славные воины. Я буду ждать того из вас, кто войдёт ко мне с Негасимым Огнём в руках!

— Да будет так, — молвил царь.

— Да будет так, — ответили всадники.

И, вскочив на резвых коней, они помчались на все стороны света, подобные стрелам, пущенным из лука.

А царица осталась ждать суженого в горном замке своего отца.

С тех пор, как прекрасные юноши пустились по белу свету в поисках Негасимого Огня. Поднялись царь и царица на самую высокую башню замка, откуда видны были все горные дороги.

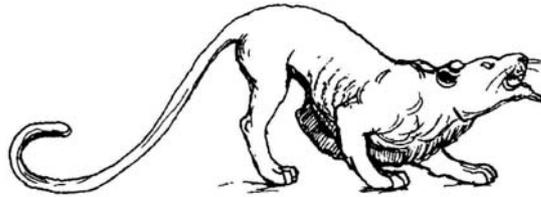
— Отец мой, — молвила царица. — Не видишь ли ты вдали скачущего всадника с Негасимым Огнём?

— Не одна сотня лет легла мне на плечи, — отвечал царь. — Глаза мои уже не так зорки, как прежде. Быть может, ты сможешь разглядеть его вдалеке, дочь моя?

Долго вглядывалась вдаль царица, стоя на башне. Наконец она промолвила с грустью:

— Где же они, те прекрасные юноши, что пустились за Негасимым Огнём? Неужели никто не сыщет его для меня, отец?

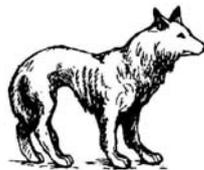
— Дочь моя, на пути их встанут многоголовые дэвы и вишапы. Но верю я в силу любви. Жди своего избранника, и он явится к тебе.

Ва года минуло с тех пор, как всадники пустились в путь. Вновь поднялась царевна на высокую башню. Во все четыре стороны всматривалась она с высоты, но ниоткуда не мчался на резвом коне всадник с Негасимым Огнём. Опечаленная царевна спустилась с башни и спросила отца:

— Отец мой, отчего никто не скачет ко мне с Негасимым Огнём? Неужели не властна уже любовь над опасностями?

— Не печалься, дочь моя, — отвечал царь. — Далёк путь до Негасимого Огня. Быть может, спускается он в подземелья Царя Змей с золотыми рогами. Жди своего жениха, нет преград для влюблённых.

ри года минуло, как пустились всадники в путь. Как птица в клетке металась на высокой башне царевна, вглядываясь вдаль.

— Где же вы, красивые и смелые, что отправились ради меня за Негасимым Огнём? — горько воскликнула она. — Красота моя вянет, как сорванная роза!

Обессилев от печали, спустилась царевна к отцу.

— Скажи мне отец, — спросила она. — Есть ли дорога назад для того, кто увидел Негасимый Огонь?!

Ничего не ответил царь, только посмотрел на дочь в великой печали.

Горько заплакала царевна.

— О, прекрасные юноши, — проливая слёзы, сказала она. — Если правда то, что все вы погибли, лучше мне обратиться в камень!

И в тот же миг окаменело её прекрасное тело. Каменными стали её волосы и руки, губы и глаза. Но из каменных глаз продолжали точиться живые слёзы.

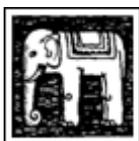
И, увидя, что случилось с любимым его дитятей, старый царь сам окаменел от горя. Каменной стала его борода, окаменели его могучие плечи и сильные руки, в скорби протянутые к дочери.

А из глаз каменной царевны продолжали литься слёзы. И лились они до тех пор, пока вода не начала заливать старый замок. И вот над отцом и дочерью сомкнулась хрустальная вода. А затем поглотила вода сам замок вместе с башнями.

И там, где некогда стоял замок, разлилось чистое горное озеро. И по сию пору можно разглядеть на его дне кровли, стены и башни.

А души храбрых всадников, что погибли в поисках Негасимого Огня, превратились в ночных мотыльков. И стоит лишь зажечь в темноте свечу, как обезумевшие мотыльки слетятся на огонь. И будут они кружиться над огнём и бросаться в него, сгорая.

ак и звучали в крепости сказания о былом, и люди в ней не знали того, что дух смерти **грох** уже начертал на челе каждого из них знаки судьбы.

Веселье царило за пиршественными столами, звучал смех и поднимались рога, наполненные красным сладким вином. Часовым, которые не могли покинуть своего поста, бдешх велел отнести вина и угощения на стены и к воротам.

Звучали песни и смех, а душа бдешха была полна мучительной тревоги. Не знал бдешх, откуда шла эта тревога. Не страшился он скорой гибели в бою. Знал он, что сможет крепость продержаться столько, сколько нужно для того, чтобы в стране собрались войска.

И на мгновение пригрезилось бдешху, что на груди его лежит свернувшаяся чёрная змея. Тряхнул он головой, и видение пропало.

«Ужели становлюсь я так стар, что вино бросается мне в голову вместо того, чтобы веселить сердце? — подумал он. — Что же, верно, в самую пору приходит ко мне смерть. К чему воину пережить лучшие свои годы?»

Но тревога грызла его сердце, как собака кость.

А жена бдешха потчевала пирующих, но лицо её было бледно.

Далеко за полночь разошлись люди по домам. Прав был князь в том, что пир во время войны наполняет мужеством сердца. Сладкий сон, лишённый тревожных сновидений, окутывал воинов. Но был он глубок, очень глубок.

Заснули и женщины, нахлопотавшись, готовя пир. Уснули сытые счастливые дети, и снилось им, что нет больше вражеского лагеря под стенами, а приветливо колышутся на ветру несмятые травы, маня их побегать на свободе.

Не спала только жена бдешха. Полная луна, бросая луч в оконце на потолке, освещала её, в беспокойстве бродившую по комнатам. Не раз и не два подходила она к ложу, склонялась над спящим мужем, пытаясь понять, глубок ли его сон. Но не понимала: бдешха мучили во сне кошмары, он метался и стонал, словно изо всех сил пытаясь проснуться. И княгиня решила узнать наверняка.

Она вытянула из своих волос тонкую золотую булавку. Бдешх пошевелился во сне. Княгиня больно кольнула его булавкой в раскрытую ладонь.

— Змея... Змея жалит меня! — хрипло прошептал бдешх, не не проснулся.

Недобрая улыбка заиграла на губах княгини. Накинув на голову тёмное длинное покрывало, она неслышно выскользнула из дому.

Неомрачённая тучами луна плыла над крепостью, ночь была светлой. Холодный ветер играл в складках одежд княгини, и бегущая впереди неё тень казалась чёрной хищной птицей. Княгиня тихо кралась между мимо объятых сном домов: нигде не теплился огонёк светильника, нигде не звучали шаги.

Но в одном из домов не спала девочка Манушак. Старуха гадалка велела ей сидеть до утра рядом с раненым воином и поить его питьём от лихорадки всякий раз, как он проснётся. Девочка загасила светильник, чтобы не тревожить раненого, и тихо сидела у изголовья на маленькой скамеечке. Манушак было страшно: ей думалось о каджи, которые любят прикидываться знакомыми и заводят людей куда-нибудь в уединённое

место, чтобы погубить. На всякий случай она решила не выходить из дому даже со старухой, если та придёт проверить раненого. Вдруг это будет не старуха, а каджи в её облике? Вспоминались ей и гишерамайрер — матери ночи, страшные ведьмы со змеями в руках. Ах, скорее бы настало утро!

Раненый жалобно стонал в бреду. Лоб его пылал, как камни очага. Быть может, надо сбегать и сказать старухе, что ему хуже? Ох, как страшно даже подумать о том, чтобы высунуть нос на улицу! Но вдруг раненый умрёт? Надо, чтобы старая Мариам нашептала заговор, прогоняющий лихорадку! Ведь дом вдовы совсем близко — только перебежать улицу!

Девочка долго набиралась храбрости, стоя у калитки. Наконец, закрыв от страха глаза рукой, она пустилась бежать по мостовой.

Не веря, что наконец достигла безопасного порога, девочка вошла в старухин дом. Но вот беда — комната старухи пустовала! Испугавшись, Манушак кинулась к месту, где обычно спал Тигран.

— Проснись, проснись скорее! — плача, проговорила она, трясая мальчика за плечо.

— Что такое, зачем ты будишь меня, глупая девочка? — недовольно проговорил мальчик, открывая глаза.

— Где тётушка гадалка? Почему её нет? — плакала Манушак.

— Вот бестолковая! Разве ты забыла, что она ночует сегодня в доме у северной стены, там, где заболел младенец.

— Ой, правда, Тигран! Она ведь поэтому и послала меня к раненому! Но как же мне быть? Мне нужно, чтобы тётушка на него посмотрела — у него лоб горит огнём, и он не хочет пить горькое питьё!

— Поди да сбегай за ней, — пробормотал мальчик, норовя улечься снова.

— Нет, Тигран! Северная стена так далеко! Не могу я бежать туда! Я боюсь каджи!

— Проводить тебя, что ли? — мальчик недовольно поднялся. — Ох, какая ты глупая! Так хорошо спится, когда не колет с голоду в животе! Надо ж тебе было меня разбудить.

Но девочка уже успокоилась, видя, что друг не оставит её одну. Дети вышли из домика.

Старуха казалась усталой. Ребёнок в доме у северной стены совсем разболелся. Она сказала, что придёт к раненому под утро, и наказала Манушак не пугаться лихорадки. С тем она и послала детей обратно.

Когда Тигран и Манушак уже приближались к своей улице, им послышался звук шагов. Это не были тяжёлые уверенные шаги стражей, которые никого не удивили бы ночью в спящей крепости. Это был лёгкий мелкий стук женских туфелек. Женщины не любят выходить из дому в такую пору! Детям отчего-то сделалось жутко. Шаги слышались всё ближе, и дети в страхе прижались к стене каменной ниши.

Длинная женская тень упала на белую мостовую: её развевающиеся одежды казались чёрными крыльями.

— Это мать ночи! Я боюсь! У неё змеи в руках! — беззвучно зашептала Манушак, сжимая руку мальчика.

Тигран тоже готов был поверить, что перед ними одна из страшных гишерамайрер. Но тут одинокое облачко соскользнуло с лика полной луны. Яркий свет озарил красивое лицо княгини.

— Это же госпожа княгиня! — шепнула Манушак, бросаясь было навстречу женщине. Но Тигран, сам не зная почему, остановил девочку. Женщина прошла мимо, не заметив детей. Лицо её казалось бескровным, как у мёртвой. Ярко горели чёрные глаза под смоляными дугами бровей. Странно: оттого, что вместо ведьмы им предстала княгиня, дети не почувствовали облегчения. Сердцам было по-прежнему холодно от страха.

— Что она делает здесь?

— Не знаю. Иди к раненому ждать тётушку. А я пойду спать. Не бойся, я постою на улице, пока ты не войдёшь в дом.

Девочка убежала. А Тигран, вместо того чтобы идти спать, тихонько последовал за княгиней. Ему отчего-то хотелось знать, куда идёт женщина, но спросить он не решился.

«В конце улицы лестница на стену, — подумал мальчик. — Там стоит стражник. Он, конечно, спросит её, а я услышу. И тогда... тогда я буду спокоен».

Лёгкие шаги постукивали впереди. Вот и стена. Ниша, где виднеется тёмная фигура стражника. Почему он молчит? Почему он даже не поднялся навстречу женщине?

А княгиня подошла к нише и наклонилась над стражником. Потом выпрямилась и направилась вдоль стены — в сторону ворот.

Страх окатил мальчика ледяной волной. Выждав, пока шаги не отдалились, он подбежал к нише.

Стражник сидел привалившись спиной к стене. Щит и выпавшее из его руки копье валялись рядом. Стражник спал непробудным тяжёлым сном. Мальчик схватил воина за плечо и начал трясти. Голова его моталась взад и вперёд, но он не просыпался.

Мальчик вмиг забыл о княгине. Воин спит на посту! Такого он не видел в своей жизни. Может быть, на него напала хворь? А только ли он один спит?!

Тигран перебежал к следующему посту у стены. Ещё издали он увидел стражника, лежавшего, положив голову на щит.

Не разбирая дороги, мальчик полетел к дому бдеша.

— Дядя! Дядя, проснись! — вскричал он, вбегая в спальню князя. — Беда! Часовые отчего-то спят!

Бдешх не ответил. Мальчик подбежал к его ложу, торопясь разбудить. Бдешх спал — тем же странным непробудным сном, что и воины у стены!

— Дядя! — Тигран готов был заплакать. Могучая рука, которую он теребил, бессильно упала на постель.

— Это ты, озорной мальчишка? — сердитым шёпотом спросила у дверей старуха служанка. — Ты чего тревожишь дядю?

— Его надо разбудить! Воины... все воины спят! И на часах — тоже!

— Вот глупый, ещё б им не спать после пира!.. Ну, вздремнёт часовой маленько, экая важность! Небось ворота у нас крепкие.

«А если враги знают об этом сне?! — с ужасом подумал мальчик. — Если они пойдут на приступ?»

Но тратить время на споры с глупой старухой он не стал.

Что делать? Побежать к Давиду? Внезапно Тигран понял, что застанет друга объатым тем же тяжёлым необъяснимым сном.

Странный грохот и шум донесли вдруг со стороны ворот. Знакомый шум! Что это? Внезапно мальчик вспомнил: так шумела ведущая к воротам дорога прежде, в базарный день — множество шагов, стук, бряцание, людская речь...

Княгиня открыла ворота противнику! Вот зачем шла она в ночи! Вот зачем проверяла, спят ли часовые! Измена!

— Враги в крепости! — пронзительно закричал мальчик, выбегая на площадь. — Измена! В крепость вошли враги!

В домах захлопали двери. Послышались встревоженные женские голоса, плач, крики...

— Горе мне! — жалобно зазвенел женский голос слева. — Проснись, муж мой! Горе детям моим!

— Проснись, сын мой! — жалобно отозвался голос справа. — Проснись, защити свою

старую мать!

— Отец, нам страшно, отец!

— Любимый, открой глаза!

Крики звучали теперь отовсюду. Казалось, что сама ночь, исполнившись отчаяния, кричит множеством голосов.

Чёрная птица измены кружила над крепостью, словно стервятник, учуявший добычу.

А снизу, на ближних к воротам улицах, слышались уже другие крики: вопли отчаяния и ужаса людей, увидевших занесённое вражеское оружие. Торжествующими громкими выкриками на чужом языке оглашали ночь захватчики.

Улочку за улочкой заливало вражеское море, встречая лишь слабое сопротивление женских рук. То там, то здесь вздымалась рука с кривым мечом или острым кинжалом над грудью спящих воинов. А они даже не замечали, что сон их переходит в смерть.

Широко раскрыв глаза, смотрел Тигран, как выбегают на площадь первые вражеские солдаты. Вот они — с качающимся огнём факелов в руках, не крошечные человечки, какими казались сверху, а настоящие, чернобородые, опьяневшие от крови. Мальчик увидел, что один из воинов, с окровавленного меча которого капала густая, чёрная в свете луны кровь, тащил за руку рыдающую девочку. Манушак! Завтра детей и молодых женщин свяжут верёвками и уведут по раскалённым пыльным дорогам далеко-далеко, в чужие края, где ждёт их рабская доля!

«Я буду драться своим кинжалом: хотя он и невелик, меня убьют! Да, тех, кто защищается с оружием, всегда убивают. Тогда меня не уведут в рабство!» — успел подумать мальчик.

Фигура одного воина, вышедшего из переулка, показалась мальчику знакомой. Странно пошатываясь, он брёл очень медленно, обеими руками неся меч, как если бы тот был для него слишком тяжёл. Единственный не спящий воин из защитников крепости! Почти тут же мальчик узнал Давида.

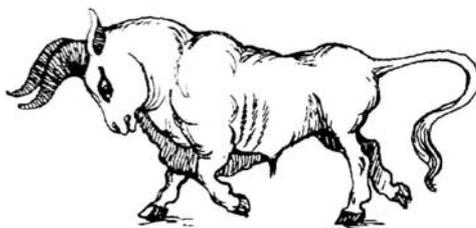
Двигаясь в полусне, Давид приближался на заплетающихся ногах к чужеземцу, схватившему Манушак. Тот, так долго разивший в эту ночь неподвижные беззащитные тела, понял, кто идёт к нему, лишь когда Давид тяжело размахнулся для удара. Меч ударил врага в плечо, потекла кровь. Изумленно вскрикнув и выпустив руку девочки, он ударил в ответ. Давид пошатнулся. Манушак, крича от страха, побежала туда, где стоял застывший на месте Тигран. Несколько вражеских солдат с криками окружили Давида. Когда они расступились, мальчик увидел, что Давид лежит на земле вверх лицом, а вокруг его тела растекается по камням площади кровь.

— Тише! — Тигран увлёк девочку к ближайшей двери. Дверь оказалась открытой.

Солдаты стояли над телом Давида, что-то обсуждая меж собой.

Неожиданно Тигран заметил, что дверца, около которой они оказались, вела в пристройку, скрывавшую подземный ход.

Дети были уже внутри. Крутые ступени лестницы уходили вниз. Мальчик оставил дверь открытой — в надежде, что кто-нибудь ещё сможет воспользоваться ходом прежде, чем его обнаружит противник.

Каким жутким казался этот путь в полной темноте, сколько раз детям чудились тяжёлые шаги погони за спиной! А дети всё шли и шли: страх их был сильнее усталости. Тигран вспомнил о том, каким страшным в первый раз показался ему подземный ход, освещённый пляшущими огнями факелов. Теперь вокруг не было ни единого проблеска света. Чтобы двигаться вперёд, приходилось вытягивать перед собой руку. Как часто натыкалась дрожащая рука на скользкие влажные камни! Тогда сзади и спереди шли знакомые воины — и гулкий ход гудел от шагов. Теперь было тихо, слишком тихо.

Через час или два Тиграну стало казаться, что тьма вокруг уже не так густа. Так и есть — глаза отыскивали смыкающийся над головами свод. Неожиданно в затхлой темноте повеяло запахом свежих трав. Так же, как в тот раз! Выход близок! Ход сузился. Ещё несколько шагов — и дети оказались перед бьющим из-под камня родником, в струях которого играли первые отсветы розового покрывала девы-зари.

Напившись у родника, они заторопились прочь. Страх гнал их дальше — по убегающим вверх горным тропинкам, по травам, ещё влажным от капелек лунных слёз, — подалее от всего, соединённого с крепостью, где сейчас ликовал враг.

Только совсем выбившись из сил, дети опустили на землю. Манушак заплакала.

— Вражеский солдат убил раненого, за которым я смотрела, — сквозь слёзы сказала она. — Вошёл в дверь и убил мечом! А потом схватил меня!

— Сегодня все воины были слабее раненых и все убиты, — сказал мальчик, разрывая в знак скорби рубашку на груди. — О бедный мой дядя! Он убивал быка кулаком — и вот его зарезали как телёнка! Да провалится заживо в ад чёрная изменница! Успеют ли теперь собрать войска в стране?! Бедный Давид!

— Бедная добрая тётушка Мариам, — плакала Манушак, распуская свои волосы. — Бедные мои подружки!

— Лейте слёзы, бедные дети, не в моих силах их утереть, — сказал кто-то добрым голосом.

Дети увидели старого отшельника. Как изменилась их жизнь с прошлой встречи с ним! Горько плача, дети побежали навстречу старику.

— Вы измучены телом и душой, — ласково сказал отшельник. — Идёмте со мной — вы отдохнёте в безопасности в моей келье. А завтра я отведу вас в монастырь Хор-Вирав, где вы получите пристанище, ибо у вас не осталось никого, кроме Бога. Даже нечестивые язычники не смеют трогать Божьих обителей!

Отшельник привёл детей в свою пещеру, где они уже однажды побывали. Он расстелил в углу несколько овчин и велел детям спать, а сам куда-то вышел из пещеры.

Манушак сразу уснула. А Тигран не мог спать. Страшные картины минувшей ночи гнали его сон. Что-то творится сейчас в крепости?

Отшельник, тихо ступая, вошёл в пещеру с охапкой елгона¹ в руках. Положив свою ношу на пол, он опустился на колени у входа, перебирая зачем-то мелкие камни, словно что-то отыскивая. Мальчик невольно наблюдал за ним. Отшельник вернулся в глубину пещеры, держа два небольших камня в руках. Сгребя лёгкие сухие ветви, он согнулся над ними и ударил одним камнем о другой. Посыпались искры.

— Святой человек! — от изумления Тигран вскочил с тёплой овечьей шкуры. — Неужели ты разводишь огонь?!

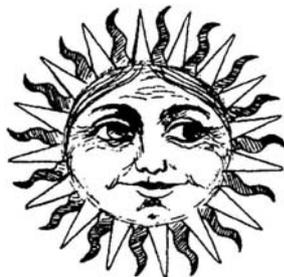
Отшельник вновь ударил камнем о камень.

¹ Елгон — кустарник, ветви которого легко воспламеняются.

— Бог простит меня, если я нарушу мой обет для того, чтобы согреть двух спасённых Им сирот и сварить для них горячей похлёбки, — с доброй улыбкой произнёс отшельник.

Весёлые рыжие язычки побежали по ветвям. Кустарник ярко вспыхнул. Живое, радующее душу тепло разлилось по пещере.

Костёр разгорался всё ярче и ярче. Старик напоил мальчика студёной водой из кувшина, сел к огню и начал свой рассказ...

ЛЕГЕНДА О ЧАШЕ С ВОДОЙ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ревние армяне, которых называли арийцами, покорили весь мир и оставили громкое имя. Отсюда и пошло имя Искандер, что означает по-армянски «истинно первый ариец», и название крепости Арин Берд, что означает «крепость ариев». Широко расселились арийцы-армяне — от гор Армении до Индии.

Когда Тигран Великий I Гайказуни пошёл по следам ариев, он покорил весь мир от Испании до Индии и всюду оставлял своих воинов и князей-военачальников, которые становились правителями-царями в тех далёких странах.

Рассказывают, что царь Тигран ещё в VI в. до н. э. оставил князей из родственного ему рода Гнуни в Македонии, что к северу от Эллады. Армянская македонская династия царей дала многих императоров в Византии, много знаменитых военачальников. Однако самым знаменитым считается сын царя Пилипоса Искандер, которого отец нарёк в честь древних арийцев. Его греки на свой лад называли Александром из Македонии. Вознамерился Искандер пойти по пути своих древних предков, покорить мир вплоть до Индии.

Покорил он Элладу и пошёл на восток, однако у реки Галис путь ему преградили армянские войска царя Ваге Гайказуни. То было в 333 г. до н. э.

— Почему ты мне мешаешь, брат? — обратился Александр к Ваге. — Ведь я хочу пойти стезёю предков на Восток.

— Обогни Армению с юга и иди себе. Через Армению пройти тебе и грекам не позволю.

Пошёл Искандер на юг, захватил Палестину, основал в Армянской Киликии город Искандарун.

«Надо, — думает Искандер, — по примеру предков-арийцев армянскую воду донести в бурдюках до Индии».

Помог Искандеру изменой царю Ваге армянский князь Атрпат — «Огненная стена», провёл тайными горными тропами войска Искандера между озёрами Ван и Капутан. Убил Искандер царя Ваге, наполнил бурдюки чистой армянской водой из озера Капутан и пошёл в Индию.

Оказались войска Искандера в пустыне в Индии, идут по безводной степи, иссякли в бурдюках запасы воды. Искандер наравне со своими воинами терпел все лишения похода. Но вот, наконец, осталась одна чаша воды. Наполнили её золотую чашу и сквозь строй воинов пронесли её к шатру Искандера.

Вышел Искандер из шатра, принял чашу с водой, высоко поднял её над головой, поднёс к иссохшим губам. Замерли воины-македонцы, взирая на своего царя; ждут, пока их любимый царь-полководец напьётся воды. Однако в одно мгновение Искандер снова поднял чашу над головой и с силой бросил её в горячий песок пустыни.

— Я буду наравне со своими воинами! — воскликнул он.

Взрыв ликования потряс пустыню, и воины, измученные жаждой, воспряли духом, дружно пустились в путь вслед за своим полководцем и вскоре выбрались из безводной пустыни.

Так Искандер своим примером дал воинам ту самую влагу, которая зовётся бодростью духа.

Ир в доме бдешха был в полном разгаре. Весёлые крики пирующих заглушали пливший над крепостью скорбный плач: женщины стенали над убитыми. Ещё не успели эти несчастные осознать, какая страшная судьба ждала их самих и их детей. Далёкие дороги, ведущие из земли Наири в чужие пределы, ждали их. Судьба их обещала ещё одну разлуку: матерей — с детьми, сестёр и братьев — друг с другом. Совсем маленьким детям предстояло никогда не узнать родного языка, забыть свои имена. Рабство, ужасное рабство! Девушки завидовали подругам, успевшим наложить на себя руки.

Царские слуги сновали по кладовым бдешха, простые воины рыскали по залитым кровью домам. На главной площади росла гора всякого добра. Ковры складывали к коврам, серебряную посуду — к серебру, оружие — к оружию. С ленивым выражением лица бродил от груды к груде писец с табличкой в руках. Работа предстояла большая — всё пересчитать, взвесить, записать. Женщин и детей пересчитают позднее — когда поведут из крепости. Но велика или мала добыча — она только первая капля того мёда, который добудут враги в земле Наири.

А в земле Наири никто не думает, что крепость пала так быстро. Царь топил довольную усмешку в кубке с вином.

— Где та женщина, что отворила ворота? — спросил он. — Я желаю видеть её.
— Она готова предстать пред твои очи, о великий, — ответил доверенный хитрец и хлопнул в ладоши.

Двое стражников ввели в пиршественный зал княгиню Джангюлюм.

Княгиня шла медленно, словно спала наяву. Краски не вернулись на её красивое лицо с приходом дня. Она по-прежнему была бледна.

— Ты действительно красива, женщина, — вымолвил царь. — Поведай мне, как тебе удалось сделать то, что сделано?

— О царь, — тихо отвечала княгиня, — я хитростью выведала состав сонного зелья, какое готовила для больных одна женщина здесь — она теперь мертва. Я сделала его и тайно подмешала в крепкое вино, которое пили воины на пиру. Когда я увидела, что сон их непробуден, я отворила ворота.

— Вот как, — вымолвил жестокий владыка. — Отвечай мне дальше, женщина. Был ли твой муж старше меня годами?

— Нет, о царь, — так же тихо отвечала княгиня. — Был он моложе тебя.

— Хорошо, — сказал он. — Скажи, быть может, я превосхожу его красотой?

И такая коварная улыбка раздвинула его морщинистое крючконосое лицо, таким недобрый весельем сверкнули маленькие оплывшие глазки царя, что княгиня не осмелилась солгать.

— Нет, о царь, — ответила она. — Мой муж был красивее тебя.

— О женщина! — воскликнул властелин. — Как много ума потребовалось тебе для того, чтобы сплести свой замысел, и как глупа ты при этом оказалась! Множество красавиц есть на свете. Вправе слушать они речи о своей красоте и верить им. Но не трижды ли глупость была для тебя верить тому, кто искал гибели твоему мужу?! Как не задумалась ты об этом? Как не поняла, что не нужна мне окажется та, что была плохой женой другому? Теперь слушай свой приговор.

Княгиня затрепетала всем телом.

А царь поднялся над пиршественным столом и сказал:

Получишь ты мало
За эту измену.
К шакалам — шакала!
К гиенам — гиену!

И он подал знак слугам.

Страшно закричала княгиня, поняв, какая участь её ожидает. Недалеко от крепости находилась с незапамятных времён страшная глубокая яма, где жили гиены и шакалы. Высокие отвесные её стены не давали пожирателям падали выбраться из неё. В эту яму издревле жители окрестных селений бросали осуждённых убийц. Туда же, если околевал скот, сбрасывали и падаль в пищу мерзким тварям. А если и падали долго не было, гнусные животные на дне ямы начинали пожирать друг друга. И могло длиться это до тех пор, пока из всех зверей на дне ямы не оставался только один — огромный и мерзкий.

В пищу шакалам и швырнули вероломную княгиню стражи, глухие к её мольбам и стонам.

А спустя несколько дней войско вражеского царя покинуло разорённую крепость, выступая вглубь страны — сея на своём пути опустошение и горе.

Спят горы седые. Молчит старина.
Дорогами прежними бродит война.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

Аралезы — духи, происходящие от собак. Они спускаются с неба, чтобы оживить героев, павших на поле битвы, зализав их раны. Первым они оживили бога Ара Прекрасного, от чьего имени образовано название *Арарат*.

Арэв — солнце. Его облик — прекрасный юноша с огненными волосами. Мчится по небосводу верхом на льве, который держит в лапе меч, чтобы защищать Арэва от злых духов.

Ачуч-пачуч — карлики, последнее человеческое племя на земле. Размером они таковы, что легко пролезают в угольное ушко.

Вишапы — драконы. Живут в высоких горах, в озерах и грозовых облаках. Спускаясь с гор на землю, издают страшный грохот. Большой вишап может проглотить солнце, отчего бывают солнечные затмения. Вишап, доживший до тысячи лет, может проглотить весь мир. Завладевают водными источниками, требуя, чтобы жители приводили им на съедение девушек.

Гишерамайрер — ведьмы, воплощения ночной тьмы. Пытаются поймать солнце. Если им это удастся, мир останется покрытым тьмой и его заселят змеи.

Грох — дух смерти. Пишет на лбу человека его судьбу, а в книге, которую держит в руке, — его дурные и хорошие поступки, по которым тот будет судим на том свете.

Дэвы — злые великаны с двумя, тремя и семью головами. Наделены необычайной силой. Живут в пещерах, глубоких и тёмных ущельях или в пустынях. Владеют несметными сокровищами. Ненавидят род людской, но иногда похищают красавиц себе в жёны.

Ерванд и Ерваз — братья-близнецы, сыновья женщины и быка. Ерванд был царём, а Ерваз — жрецом. Взгляд Ерванда обладал такой волшебной силой, что от него лопался гранит.

Каджи — невидимки, духи бури и ветра. Живут в своих замках в горах. Людям не враждебны, но опасны. Человек, которому нанесёт удар каджи, сходит с ума. Иногда подменяют в колыбелях красивых человеческих детей своими — больными и уродливыми. Когда празднуют свои свадьбы, любят приглашать людей: музыкантов, цирюльников, портных. Награждают за услуги.

Лусин — луна. Сестра солнца, *Арэва* (см.). Утренняя роса — слёзы Лусин.

Манракор, или *мандрагора*, — человекоподобное растение, или полутрава-получеловек, плачет, когда её вырывают из земли. Мстит смертью своему убийце. Светится по ночам, за что её называют «свечой дьявола». Представляют её человеком — мужчиной или женщиной, это корень мандрагоры, зелёные волосы на его голове — трава.

Хайк — легендарный великан. Не покорившись Бэлу, царю Вавилона, ушёл на север и обосновался на озере Ван. Там от него произошёл в древности армянский народ. Месяцы древнеармянского календаря считались сыновьями и дочерьми Хайка. Прославлен меткой стрельбой из могучего лука.

